Цена 3 фр. | № 5 | Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республикакско-
Демократического
Об'едикекия

СОДЕРЖАНИЕ №5:

1. **П. Милюков** — Накануне Нового года.
2. **В. Попов** — Внутренняя политика СССР.
3. **А. Марков** — Современное экономическое положение в СССР.
4. **Д. Мейснер** — Коренной сдвиг или смелый маневр? (Вокруг проблемы единого фронта).
5. **В. П.** — Советские достижения и эмиграция.
6. **Е. Новохатный** — Политическое об'единение эмиграции.
7. **П. Милюков** — Социализм и несоциалистическая демократия. (К статье Е. Новохатного).
8. **А. Александров** — Политические заметки.
9. Хроника.

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 5 Январь 1936 г.

П. МИЛЮКОВ

Накануне Нового года

Наш прошлогодний прогноз исхода «страшного» 1935 года мы закончили в тоне «условного оптимизма». Этот оптимизм основывался на двух рядах фактов: 1) сближении больших и малых государств Европы для защиты «коллективной безопасности» от внезапных вторжений и 2) на неизбежной отсрочке для сложных и длительных приготовлений, каких требует война современного типа со стороны вероятных нарушителей мира — Германии и Японии. Что изменил в этом прогнозе действительный ход событий втечение 1935 г. и в какой степени наш условно - оптимистический вывод может быть подтвержден или отвергнут в последние дни завершившегося годового цикла?

Прежде всего необходимо отметить, что за истекший год германо - японские претензии, грозившие сохранению мира в Европе и Азии, оказались в значительной степени осуществленными, но не на «бранном поле», а путем самочинных действий, которым усталая и разрозненная Европа не могла ничего противопоставить. 16 марта, среди мюнхенских торжеств в память жертв мировой войны, Гитлер провозгласил, что цель германских вооружений достигнута: он формально восстановил обязательную и всеобщую воинскую повинность. Это усиливало состав германской армии до 600.000 чел., тогда как в 1933 году Германия претендовала на вдвое меньшую цифру — 300.000, а в 1934 г. ее претензии повысились лишь до 400.000. Самочинный шаг Гитлера являлся открытым и односторонним нарушением Версальского договора. С другой стороны Япония, укрепившись в Манчжурии приступила к постепенному фактическому захвату ближайших провинций Китая, а в конце года потребовала от Нанкинского правительства согласия на «автономное» устройство еще четырех китайских провинций. Появление Японии на декабрьской морской конференции 1935 г. сопровождалось давно ожидавшимся требованием ее о равенстве морских вооружений. Наконец, на границах с Россией возобновились, — не случайно конечно, — пограничные конфликты и соответственные пред'явления требований со стороны Японии.

Что могла противопоставить всем этим самочинным захватам миролюбивая часть нашего континента?

События на азиатском востоке затрогивали только одну Англию, но занятая европейскими делами, она не могла активно реагировать на рост японского могущества. Как и со стороны Соединенных Штатов, дело пока ограничивалось протестами и подготовительными мерами для усиления флотов. Европа была поглощена, по прежнему, задачей устранения опасности, грозящей миру со стороны Германии. В этом отношении начало 1935 года ознаменовалось большими успехами в процессе сплочения Европы. Уже 7 января Лаваль подписал в Риме соглашение с Муссолини, которое прекратило скрытое соперничество обеих стран в северной Африке и укрепило положение независимой Австрии в центральной Европе. За этим последовало 3 февраля заключение более сложного соглашения между Францией и Англией в Лондоне. Англия провела здесь свой проект — довольно туманный — всеобщего замирения Европы, включая возвращение Германии в Лигу Наций, а Франция внесла свою более конкретную поправку — создание региональных пактов, в том числе — и главным образом — «Восточного». Посредством него предполагалось распространить на восточные границы Европы те гарантии против нападения, которые для западных границ дал договор в Локарно. В этом плохо скроенном компромиссе между двумя различными — а часто и противоположными — задачами заключался источник разногласий в дальнейшем. Но сюрприз, уготованный Гитлером Европе 16 марта, и неудачный визит Саймона и Идена в Берлин закрепили единодушие трех держав. Конференция в Стрезе, созванная Муссолини (11-14 апреля), дала поэтому неожиданно хороший результат. Франция могла после этого провести в Лиге Наций свой протест против одностороннего нарушения Версальского договора новыми германскими вооружениями и расширить меры пакта против повторения подобных нарушений в будущем (16 апреля).

Однако же, в виду категорического отказа Германии войти в число участников «Восточного пакта» и двусмысленной политики Польши, Франции пришлось ограничить соглашение о защите восточных границ Европы участием СССР и Чехословакии. Вместе с тем окончательно стал на очередь вопрос

о закреплении положения СССР среди европейских держав. Напомню, что предварительный проект введения СССР в число членов «Восточного пакта о взаимной поддержке» был выработан уже вскоре после выхода Германии из Лиги Наций, в результате переговоров Литвинова с Поль-Бонкуром. Этот пакт предусматривал вступление СССР в Лигу Наций. Принятие СССР в Лигу (18 сентября 1934 г.) прошло не без трений, с значительным упрощением обычной процедуры. Смерть Барту, решительного сторонника введения СССР в европейские комбинации, затормозила дело. Лаваль ему не сочувствовал. Однако, желая противопоставить туманному английскому плану какое то реальное начало осуществления французского плана, Лаваль перед отправлением в Стрезу обсудил с Потемкиным новый проект франко - советского соглашения. По возвращении из Стрезы и Женевы проект должен был быть утвержден символическим числом 1 мая; затем Лаваль должен был посетить Москву 20 мая. Но тут начались новые затруднения. Закрепление общего фронта трех держав в Стрезе понизило значение соглашения с советами в глазах Лаваля, а новые требования Литвинова развязали ему руки. Литвинов хотел, чтобы Франция расширила свои обещания помощи на азиатские конфликты и чтобы самая помощь была немедленной, независимо от процедуры Лиги Наций. Это было невозможно. С другой стороны, Германия утверждала, что франко-советское соглашение освободит ее от обязательств, взятых на себя в Локарно. Французские юристы пересмотрели проект и привели его в соответствие с существующими договорами Франции путем присоединения к готовому тексту особого «протокола», который ограничивал обязательства помощи — нападением лишь на собственную территорию сторон с последующим, хотя и «немедленным» обсуждением в Лиге Наций. Протест Литвинова, выразившийся в его внезапном от'езде, вместо Парижа, в Москву, не произвел никакого впечатления; договор пришлось принять в измененном к невыгоде России виде. Вообще надо прибавить, что престиж нового члена Лиги сильно поблек и в Женеве, и в других местах вследствие того противоречия, которое обнаружилось между обещаниями Сталина — поддерживать дружественные армии — и решениями последнего с'езда коминтерна — разлагать эти армии для приближения всемирной революции. Значение красной армии понимается и в Европе, и ее боеспособность признается. Но Европа гораздо более, чем прежде, осведомлена о состоянии русского тыла, значительно ослабляющем надежды на военный успех СССР — особенно в сколько нибудь длительной кампании.

Возвращаясь к западно - европейским отношениям, следует заметить, что вообще после прямой линии Рим-Лондон-Стреза-Женева, обещавшей, казалось, окончательное скрепление Европы против германских захватнических тенденций, начались разногласия и колебания, сильно подорвавшие значение соглашений, достигнутых в первой половине года. Германия тотчас же осмелела и первая постаралась использовать эти разногласия в своих интересах. Она при этом особенно рассчитывала на Англию, добиваясь сепаратных соглашений с нею и, наконец, достигла этой цели в форме отдельного соглашения, по которому германский флот мог быть увеличен до 35% английского. Франция при этом не была спрошена; Балтийское море попадало в полную зависимость от Германии. По существу, эта мера Англии была прямым нарушением Версальского договора — нарушением, только что осужденным в Женеве по поводу германских односторонних вооружений.

Гораздо более важным для текущего момента было сепаратное действие Италии, воспользовавшейся укреплением своих отношений с Францией, чтобы начать войну с Абиссинией. История этого конфликта у всех в памяти, и нет надобности на ней останавливаться. Но важно отметить последствия итало - абиссинского конфликта для дальнейшего раз'единения Европы. Прежде всего, таким раз'единяющим фактором снова оказалась политика Англии. Напрасно Муссолини об'являл свою войну простым « колониальным » предприятием, каких было сколько угодно в прошлом. Колониальные претензии Италии — в том же старом порядке — сталкивались с колониальными же интересами Великобритании. И независимо от международных соглашений Великобритания повела свою самостоятельную политику. В ответ на итальянские угрозы она незаметно перевела свой флот в Средиземное море, никого не предупредив. Сплетя затем свою политику с международной политикой Лиги Наций, Англия откровенно направила высокие идеи женевского учреждения в русло своей политики. При этом, несомненно, в первый раз за все свое существование, Лига Наций оказалась важным международным фактором. С небывалым дотоле единодушием она, опираясь на Англию, но в согласии с радикальным мнением Европы, привела в действие § 16 ковенанта. Над Италией повисла угроза постоянно усиливающихся «санкций». Франция должна была согласиться открыть для британского флота свои порты на Средиземном море, но тщетно добивалась взамен от Англии удовлетворительного ответа, поможет ли ей Англия в случае германского нападения. Создав такую выгодную для себя обстановку, Англия получила возможность диктовать Италии условия прекращения войны, продолжение которой для нее чрезвычайно неудобно, как потому, что эта война уже подняла претензии египетских националистов, заставивших вернуть себе отмененную Англией конституцию, так и потому, что замешательства в Европе и Африке мешают Англии следить за разыгрывающейся драмой в Азии и играть в ней ту видную роль, к которой она привыкла.

С другой стороны, отвлечение внимания к ита-

ло-эфиопскому конфликту побудило Германию выйти из того выжидательного положения, на которое обрекала ее грозившая ей изолированность. Помимо расчетов на Англию, у Германии возродился расчет и на сближение с Францией. Отсюда многочисленные заверения фюрера в мирных намерениях относительно Франции, отсюда пробные поездки фон-Риббентропа, обещания охранить Европу и мир от коммунизма и т. д.

Ослабление позиции Италии на Бреннере подвергает усиленной опасности независимость Австрии. Литва уже указывается открыто, как предмет очередного нападения из-за Мемеля. Почти не скрываются и германские расчеты на возвращение чешским немцев, причем Польша, также враждебная Чехословакии, явится естественным союзником. За этими ближайшими задачами несколько стушевываются поползновения Германии на восточной границе. Но прямой отказ Германии от гарантии этих границ, препятствия, поставленные ею для осуществления «Восточного пакта», наконец, прямые заявления не дают забыть и об этой части германской аннексионной программы. При всех гарантиях густой сети договоров о «ненападении» и о «взаимопомощи» становится невозможным предсказать, как сложится военная карта Европы в момент, когда заканчивающей свои вооружения Германии придет охота испытать их действие в том или другом месте своей границы.

Мы упомянули в начале статьи и о развертывании аннексионных стремлений Японии. В речи генерала Матцуи в августе на «дружеском» совещании с советскими чиновниками по поводу передачи Китайско - Восточной ж. д. эти японские стремления высказаны с предельной ясностью. «Мы японцы, имеющие общую кровь с азиатскими народностями СССР, говорил японский генерал, «не можем не разделять их возмущения советским разрешением национального вопроса». «Для коренного урегулирования взаимоотношений, правительству СССР необходимо дать действительное самоуправление азиатским народностям, как о том неоднократно говорилось с самого начала революции в СССР» (т. е. «вплоть до отделения»?).

Такова картина международных отношений к концу 1935 года. Пусть читатель сам судит, насколько она «страшнее» или мягче прогноза на этот год, сделанный в прошлом декабре. Во всяком случае эта картина определеннее. Отдельные черты ее остались те же, что и прежде. Но очертания — яснее, и они более наполнены определенным содержанием. За исключением войны в Абиссинии, насильственной развязки до сих пор не наступило, но только потому, что дорожащая больше всего сохранением мира Европа стремится во что бы то ни стало избежать вооруженных конфликтов и предпочитает оставаться немым свидетелем при фактических переделках тех или других отдельных черт картины. Когда будут достигнуты пределы — и будут ли они достигнуты, за которыми эта квази - мирная форма разрешения спорных вопросов одной демонстрацией силы станет невозможной и последуют взрывы, — этот вопрос — по крайней мере в настоящий момент — не допускает определенного решения. Можно сказать одно: события страшнее, чем прежде, а **страха** — меньше. Можно привыкнуть ко всему; можно, очевидно, привыкнуть и к страху.

П. Милюков.

В. ПОПОВ.

Внутренняя политика СССР

Внутренняя политика СССР за истекшее полугодие была чрезвычайно богата реформами и крупными переменами.

Начало положил Сталин в речи, сказанной им 4 мая на выпуске академиков Красной армии. В этой речи Сталин вынужден был признать, что выдвинутый им ранее лозунг «техника решает все» на деле оказался далеко и далеко недостаточным. Практика показала, что мало построить отлично оборудованные заводы, обзавестись усовершенствованнейшими новейшими машинами, для их функционирования и использования нужны также и люди, которые бы могли все это прекрасное оборудование пустить в ход и обслуживать. «Техника без людей, овладевших ей, мертва и т. к. на это до сих пор не обращалось должного внимания, то потому, констатирует Сталин, мы вступили в период голода в области людей, в области работников, умеющих оседлать технику».

Взамен лозунга « техника решает все » поэтому Сталиным выдвигается лозунг « кадры решают все ».

«Новый лозунг — заявляет Сталин — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали бы их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д. А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно - бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам... Ценить машины и рапортовать, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках — научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей вырастили за такой то период и как мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе»

Сталин дает директиву «прежде всего научиться

ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу». Надо, наконец, — говорит он — понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все». Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров — будет хромать на обе ноги».

Признание весьма ценное и приходится лишь удивляться, что до такой простой мысли сов. правительство додумалось только на 18 году своего существования.

Лозунг «кадры решают все» был с восторгом (на этот раз, несомненно, искренним) подхвачен всей советской «общественностью» и был «лейт-мотивом» всех речей и статей минувшего полугодия.

Необходимость кадров выдвинула в первую очередь вопрос о школьной реформе, и последняя, в отношении начальной, неполной средней и средней, школы была проведена постановлением СНК и ЦИК СССР от 3 сентября.

В своем вступлении к положению о новой реформе сов. правительство подвергает жесточайшей критике свои прежние школьные порядки и признает, что они привели на практике к ослаблению порядка и дисциплины среди учащихся, к понижению уровня учебы и к созданию положения, что оканчивающие среднюю школу оказываются недостаточно подготовленными для прохождения наук в высшей школе.

Новое положение точно регламентирует продолжительность учебного года, часы учебных занятий, порядок поступления, прохождения курса и окончания или оставления школы, снова вводит систему проверки знаний на уроках и оценки их по пятибалльной системе, восстанавливает переводные экзамены, награды наиболее успевающим, право лучших поступать в высшие учебные заведения без экзаменов, делает обязательным ношение вновь устанавливаемой форменной одежды, вводит строгую школьную дисциплину...

Самое замечательное в новой реформе это то, что она полностью до мелочей восстанавливает порядок, существовавший в старой добольшевистской средней школе — в гимназиях и реальных училищах.

Даже знаменитый ученический билет « с включением в него основных правил поведения учащихся» снова получил право на существование.

Два пункта новой школьной реформы заслуживают быть особо отмеченными.

Первый — это **запрещение** требовать от родителей при поступлении учащегося в школу иных документов, кроме заявления о принятии ученика, его возрасте и прививке ему оспы — иначе говоря — запрещено требовать документы о классовом его происхождении.

Второй пункт касается школьной дисциплины:

«В основу поведения учащихся — гласит новое положение — положить строгое и сознательное соблюдение дисциплины, вежливое отношение к преподавателям, товарищам и **старшим** (курсив наш **В. П.**), привитие культурных навыков, бережное отношение к школьному и общественному имуществу, а также меры решительной борьбы с проявлением хулиганства и антиобщественными поступками детей».

Новая реформа — это **признание большевиками** как полного провала всех своих школьных экспериментов, так и отсутствия иного пути «для того, чтобы сделать советскую школу образцовой», как путь возврата к существовавшей до них и ими разрушенной системе.

В связи с проблемой кадров, но еще более по политическим соображениям проведена военная реформа, сопровождавшаяся восстановлением воинских чинов, или, как их теперь именуют, персональных воинских званий.

Отныне служба на командных и начальственных должностях в Красной армии и флоте становится пожизненной профессией, порядок прохождения которой устанавливается особым положением, а военные звания имеют целью «отчетливо выражать военную и специальную квалификацию каждого командира и начальствующего лица, их служебный стаж и заслуги, их власть и авторитет».

Получение первого чина — лейтенанта — требует окончания военной школы или сдачи особого экзамена. Для производства в следующие обер или штаб - офицерские чины требуется, в зависимости от чина, выслуга от 3 до 8 лет; при производстве, независимо от выслуги, нужна «положительная характеристика». Установлено правило, что продвижение в чине влечет за собой продвижение в должности, определен для каждого чина предельный возраст. Лишение чина может быть произведено только по приговору суда, конфирмованному наркомом обороны СССР или сов. правительством.

Новое положение — в военном смысле — реорганизует прохождение службы в армии и преобразует последнюю на началах, присущих всем западно-европейским армиям, что является, конечно мерой весьма разумной и целесообразной. В политическом же отношении смысл реформы состоит в закреплении за нынешним командным составом достигнутого им положения, в гарантии ему дальнейшего прохождения военной карьеры и в создании особо привиллегированного положения не только во время состояния на службе, но и после ее оставления. Эти преимущества, а также возведение пяти лиц в почетное звание «маршалов Советского Союза» преследуют определенную политическую цель — показать командирам Красной армии заботы о них сов.

правительства и тем самым обеспечить их верность этому правительству и режиму в будущем.

Поговаривают — и это отнюдь не является невозможным — о введении соответствующей «табели о рангах» и в гражданском ведомстве, но пока что чинами награждены только «меченосцы революции» — чекисты.

Далее заслуживает быть особо отмеченной политика сов. правительства в отношении так называемого «стахановского движения». Это движение появилось в сентябре с. г., скоро стало подлинной «злобой советского дня» и последние недели описанию его успехов посвящены целые простыни советских газет. Постараемся в самых кратких словах рассказать здесь происхождение и сущность этого движения. Вот как было дело.

Забойщик одной из шахт Донбасса Алексей Стаханов, желая доказать возможность получения большей добычи угля при освобождении забойщика от работы по креплению разработанного им участка шахты, 30 августа с. г. спустился в шахту вместе с двумя крепильщиками и в результате 6 час. работы, вместо обычно вырабатывавшихся ими по старому способу 25-30 тонн, и при норме 8 тонн, добыл 102 тонны угля. Его рекорд, особенно, размер его заработка в эту смену — 215 р. — произвел огромное впечатление на шахтеров и на следующий день другой шахтер Дюканов, работая «стахановским методом» добивается еще лучших результатов и заработка. За ними на тот же метод добычи переходят и другие забойщики и в короткое время старая норма у некоторых из них оказывается превышенной во много десятков раз. Известие о стахановском, т. е. более рациональном, освобождающем квалифицированного работника от подсобных, не требующих высокой квалификации, работ, методе и заработке стахановцев производят впечатление на рабочих других отраслей промышленности и транспорта и там начинается аналогичное стахановскому движение. Кузнец, работая иначе, побивает все рекорды выковки деталей, ткачихи, по иному расставив станки начинают обслуживать во много раз превышающее раньше количество их, обувщик начинает выделывать значительно больше обуви, машинист доводит скорость товарного поезда с 23 кил. в час до 47 и т. д.

Новый метод работы резко повышает производительность труда и количество вырабатываемой продукции, но этот метод требует полной реорганизации не только отдельных предприятий, но и всей промышленности, требует полного пересмотра всех технических расчетов и норм. Паровозный машинист, например, может быть может довести ход товарного поезда до 47 к. в час и без вреда для паровоза, но на вопрос, как этот ход тяжелого товарного поезда отразится на состоянии пути, рельс, мостов и т. п., не приведет ли он к быстрому их изнашиванию и разрушению, на этот вопрос ответить может лишь специалист - инженер. Интересы железно-дорожного хозяйства в целом могут диктовать требование ограничения возможной скорости паровоза. Нам потому понятно, что эта гонка за рекордами, стремление к превышению не только западно-европейских, но и американских норм, не только не вызвала восторга, а наоборот, породила тревогу среди инженерно - административного аппарата предприятий. И тут было чрезвычайно важно, какую позицию займет сталинское правительство, пойдет ли оно по пути благоразумия и умеренности, или встанет на путь демагогии, легких успехов, подзадаривания рабочих к достижению новых рекордов.

Желание скороспелого роста производительности и продукции, чванство побитием рекордов западноевропейской и американской промышленности победили чувство благоразумия, и сов. правительство, вопреки мнению своего инженерно - административного персонала, пошло по второму пути. Всем, не только возражающим или противодействующим этому рекордсменству, но и всемерно его неподдерживающим, сов. правительство ныне грозит репрессиями и расправой. Особенно велика эта угроза для инженеров и спецов (теперь уже в большинстве своем принадлежащих не к дореволюционным кадрам, а к людям уже советской формации) и кое кому, по циничному выражению Сталина, сов. правительство «уже немного дало в зубы».

Вполне разумное и необходимое движение в сторону рационализации труда, благодаря сов. максимализму и демагогии, принимает опасные и вредные формы и несет русскому народу, а в особенности, большинству рабочих и спецам еще большее ухудшение условий их труда и существования.

В области финансово - экономической минувшее полугодие ознаменовалось тремя крупными реформами — упразднена в городах кооперация, а имущество ее передано Наркомату внутренней торговли, окончательно отменено нормированное (по карточкам) снабжение продуктами и проведена новая денежная реформа.

Отмена нормированного — по карточкам — снабжения, которая была предрешена еще в начале этого года при отмене хлебных карточек, была проведена с 1 октября, причем, также как и в отношении хлеба, правительство установило крайне высокие цены на продукты, представляющие фактически не что иное, как чрезмерное косвенно - налоговое обложение продуктов первой необходимости.

Фискальный характер реформы особенно бросается в глаза при сопоставлении установленных сов. правительством розничных цен с заготовительными ценами, которые то же правительство платит крестьянам за эти продукты.

(Заготовительные цены, напр. на пшеницу 10,1 коп. кило, а мука 1 р. 80 к. кило, на рожь — 6,4 коп. кило, а мука — 1 р. 60 к. кило).

Следствием новой реформы было значительное ухудшение материального положения беднейших и

наименее обеспеченных классов населения и необходимость во многих семьях для сведения концов с концами поступления на работу всех взрослых членов семьи.

Что касается денежной реформы, то мотивы и детали этой реформы пока еще не опубликованы. Известно лишь, что с 1 февраля 1936 г. в СССР повсеместно упраздняются лавки Торгсина и прекращается продажа на золото и на иностранную валюту. Единственным мерилом ценности отныне в СССР будут только сов. деньги, причем устанавливается новый пониженный курс рубля — 1 р. с 1 января будет равен 3 франц. франкам. Устанавливаемый новый курс сов. рубля, в 9-10 раз превышающий нынешний фактический курс сов. рубля, представляется нам мало обоснованным, и весьма сомнительно, чтобы сов. рубль на этом курсе мог бы удержаться.

Из других реформ заслуживает внимания постановление сов. правительства о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, декрет об усилении ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. Следует также отметить тенденции к укреплению семьи. Советская пресса уделяет теперь не мало места шельмованию родителей, бросающих на произвол судьбы своих детей, примером самого Сталина внушает детям почтение к их родителям.

В заключение отмечу еще два события, касающиеся партийной жизни за эти шесть месяцев. Первое — это «самоликвидация» «общества старых большевиков», второе — реформа Комсомола.

Заботу о «старых большевиках» всецело взяло на себя сов. пр-во и поэтому деятельность общества потеряла всякий смысл — таково официальное об'яснение. Фактически причина вынужденного самоубийства была иная: в эпоху полного перерождения большевизма — об'единение старых партийцев, знавших об истинной роли Сталина и в партии и в революции, бывших живым воплощением подлинных традиций большевизма, стало настоящим бельмом на сталинском глазу, которое тот и поспешил удалить.

Реформа Комсомола также имеет целью ослабление его влияния и сильное ограничение его функций — отныне Комсомол должен резко сократить свою роль в промышленности и сов. хозяйстве и заниматься почти исключительно воспитанием молодежи.

В. Попов.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СССР

(Доклады А. П. Маркова)

Прочитанный 1 ноября с. г. в РДО А. П. Марковым доклад на тему о сельском хозяйстве и продовольственной политике советской власти является первой частью его обзора состояния всего советского хозяйства в новейшее время. Задача этого обзора заключается в том, чтобы дать об'ективное освещение хозяйственной жизни в СССР., что представляется крайне необходимым в виду существования различных оценок советских хозяйствечных достижений.

А. П. Марков прежде всего указал на чрезвычайную трудность изучения советского хозяйства. Нельзя жаловаться на отсутствие статистических данных. Их — великое обилие. Но во многих случаях они ровно ничего не выражают. Так, например, для выяснения такого важного вопроса, как вопрос о товарообороте, даются цифры в десятках миллиардов рублей для ряда лет. Но какое реальное значение этих миллиардов при отсутствии сведений о покупательной способности советского рубля и при полном отказе советской статистики от исчисления индекса цен?

Кроме того, при изучении советского хозяйства и, в особенности, продовольственной политики советской власти, необходимо всегда иметь в виду, что жизнь идет отнюдь не только по советским заданиям и планам и не полностью отражается в советских отчетных данных. Рядом с этими планами происходит борьба населения за существование, направленная в обход и против советской хозяйственной системы. Ведь только этим и надо об'яснить, что в стране погибло от голода, болезней и разорения меньше миллионов, чем должно было бы погибнуть, если бы советская система хозяйства проводилась бы в жизнь на все сто процентов. Но эта борьба населения за существование не поддается изучению и изображению в виде каких то количественных величин, которые надо поставить рядом с советскими оффициальными данными.

Что лежит в основе советской продовольственной политики? В советском изображении эта политика проникнута исключительно заботой о трудящихся. Но легко видеть, что партия, завладев материальными рессурсами страны, прежде всего добивается наиболее значительных финансовых результатов (Очень существенно отметить, что по советским данным («Экономическая Жизнь» № 147 за т. г.) средняя покупка хлеба, вместо 2 килограммов в 1934 г. снизилась до 900 граммов в 1935 году). Для партии это сделать совсем не трудно, т. к. она захватывает такую часть продовольственного фонда страны, которая значительно превышает так называемые товарные излишки.

Обратимся к характеристике тех отраслей народного хозяйства, которые создают продовольственные фонды страны.

В полеводстве исключительное преобладание принадлежит социалистическому сектору (совхозы и колхозы). Говоря о состоянии сельского хозяйства, прежде всего надо отметить наблюдающуюся в последние годы стабильность посевной площади. Размахи прежних лет исчезли. Партия поставила перед собой, очевидно, задачу хозяйственно овладеть землей. В качестве же средства этого овладения является не столько физический труд колхозника, сколько машина. Это основная тенденция политики партии в сельском хозяйстве — освобождение себя от физического труда крестьянства и выполнение заданий при все большем и большем участии машины. Этот процесс легко проследить на ходе основных сельско - хозяйственных работ. Так посевы в этом году прошли несколько лучше, чем в предшествующие годы (но далеко не так, как они должны были бы проходить и как проходили при господстве единоличного хозяйства). Но в выполнении посевных работ в особенности большая роль выпала на долю трактора. Уборка не дала каких либо заметных успехов. И это надо об'яснить тем, что уборочные работы менее механизированы, чем посевные. Получается как будто так, что сельское хозяйство в его главной части выходит из рук крестьянства и попадает в ведение партии и кадров механиков, которые, конечно, приобретают все больше и больше навыка и их труд оплачивается значительно выше, чем труд рядовых работников.

Нельзя, однако, утверждать, что вся масса крестьянства совершенно одинаково относится к настоящему положению. Упрощать это отношение — значит допускать большую ошибку. Необходимо прежде всего иметь в виду, что для известной части крестьянства (прежних безлошадных хозяйств) колхозы кое-что могли и дать (скажем, механической поллошади). Для таких хозяйств колхозная система не является такой неприемлемой, хотя, конечно, колхозники могут с ней мириться лишь в ожидании момента, когда представится возможность завести свое хозяйство.Внутри колхозов также положение чрезвычайно пестро. А. П. Марков приводит многочисленные иллюстрации, характеризующие различие колхозов в снабжении живым и мертвым инвентарем, в оплате трудодня, в количестве земли, причитающейся на душу, в разнообразии урожайности. Это разнообразие порождает различие настроений. И со всей вероятностью можно утверждать, что те колхозники, которые обильнее других снабжены прежде всего землей и орудиями, больше тянутся к колхозам, но не по той причине, что они сторонники колхозного строя, а по той, что мечтают о закреплении впоследствии всего имущества и прежде всего земли за собой для ведения собственного, свободного хозяйства.

При чрезвычайном различии положения колхозов есть несомненно такие, которые имеют излишки хлеба, который везут на базар. Надо, кроме того, иметь в виду, что индивидуальное хозяйство колхозников играет в создании продовольственных фондов все большую и большую роль. Крохотные клочки земли, обрабатываемые колхозниками на индивидуальном праве — это клочки самого совершенного по интенсивности хозяйства. И этот момент является наиболее любопытным. Партия, уничтожившая индивидуальные хозяйства, создает их вновь. Таких хозяйств по количеству больше, чем их было в прошлом и позапрошлом годах. Эти хозяйства теперь санкционированы новым колхозным уставом.

В особенности это существенно в области животноводства. А. П. Марков доказывает, что со времени начала либеральной политики в области животноводства, индивидуальный сектор является преобладающим в животноводстве, т. к. большинство скота принадлежит колхозникам на индивидуальном праве и единоличникам. И партия должна с этим мириться. В планах о восстановлении животноводства она определенно дает преобладание индивидуальному животноводству.

Эти условия необходимо учитывать и при изучении современного продовольственного положения.

На рынок теперь появляется товар не только от социалистического сектора, но и от сектора индивидуального. Совершенно несущественно, что на базар везет товар колхозник. Там на базаре он действует так же, как действует единоличник. Колхозный базар — это крестьянский базар. Роль его постепенно возрастает и начинает оказывать влияние на цены. Рядом статистических иллюстраций А. П. Марков доказывает, как колхозные цены на продовольственные товары стали давить на цены казеные и как для партии стало совершеннейшей необходимостью некоторое понижение цен. Плановые единые цены должны были подчиниться стихии базара и партии пришлось в октябре с. г. идти на некоторое понижение цен.

Но тем не менее нельзя говорить о том, что в СССР создалось нормальное продовольственное положение. Путем сопоставления заработной платы с современными ценами А. П. Марков доказывает, что преобладающая часть рабочих должна сокращать потребление продовольственных продуктов. Кроме того, крестьяне единоличники должны испытывать величайшие продовольственные затруднения, т. к. собственного хлеба им хватать не может, а денежные их заработки ничтожны. Наконец, если часть колхозов может себя прокормить, то немало колхозов, где продовольственные фонды очень слабы.

Конечные выводы А. П. Маркова сводятся к следующему:

Партия в своей сельско - хозяйственной политике опирается не столько на труд крестьянина, сколько на машину.

Это дает улучшение в тех сельско - хозяйственных работах, где больший процент механизации.

Крестьянство, не приемля социализации сельского хозяйства, относится к настоящему положению неодинаково. Лучше снабженные колхозы надеются закрепить за собой те преимущества, которые в процессе коллективизации для них созданы.

Главное внимание колхозников сейчас сосредоточено на интенсификации своего крошечного хозяйства и партия, уничтожив индивидуальные крестьянские хозяйства, создает их вновь.

Продовольственная политика партии проникнута хищничеством. Но умеряющее значение на это хищничество оказывает колхозный базар, играющий все большую и большую роль.

Если нельзя говорить теперь о районах голодающих, то несомненно надо признать очень тяжелым продовольственное положение для преобладающей части рабочих, для беднейшего колхозного крестьянства и для преобладающей части крестьян-единоличников.

Второй доклад А. П. Маркова был посвящен вопросу о промышленности в СССР. Докладчик прежде всего отмечает те черты, которые приписывает своему промышленному хозяйству сама советская власть. Эти черты следующие:

а) Россия из страны с исключительным преобладанием земледелия превращена в индустриальное государство и это сделала советская власть.

б) Перестройка хозяйственной жизни страны достигнута путем использования исключительно внутренних материальных рессурсов, без притока иностранного капитала.

в) В СССР создана новая хозяйственная система, глубоко отличающаяся от капиталистической, ибо советское хозяйство является социалистическим и планированным, хозяйством гармоническим, согласованным во всех своих частях.

г) Советская власть достигла при этом поднятие на значительную высоту материального уровня населения, т. е. рабочих и крестьян.

Такова характеристика достижений на промышленном фронте, даваемая советской властью.

Последовательно А. П. Марков анализирует степень правильности таких утверждений.

Прежде всего он доказывает, что Россия, в особенности в последнее десятилетие перед войной, очень быстро пошла по пути индустриализации и в продукции народного хозяйства доля промышленности стала увеличиваться в темпах, превышающих рост продукции сельского хозяйства. В своем промышленном развитии Россия даже превышала темпы промышленного прогресса западных государств в соответствующие периоды. В России происходил процесс внутреннего накопления капиталов, которые шли в промышленность. Кроме того, все большее значение в промышленности приобретал иностранный капитал. В этом не было никакой опасности. С.-Штаты когда то были импортером европейского капитала, но, достигнув высокого уровня своего промышленного развития, С.-Ш. превратились в экспортера капитала. Приток иностранного капитала, беспрерывно возраставший, открывал широкие перспективы для быстрого промышленного прогресса без отягощения народного хозяйства особыми жертвами для промышленности.

А. П. Марков упоминает, что употребляемые в некоторых случаях аналогии с реформами Петра Великого, смысл которых сводится к оправданию большевистской системы насилия в промышленном строительстве, совершенно безграмотны. Петру Великому пришлось **создавать** промышленность в стране, ибо ее там не было. Кроме того, он должен был пользоваться при этом скудными рессурсами страны, не щадя ее. Но до октябрьской революции капиталы и были и беспрерывно притекали.

Таким образом, никакого нового хозяйств. периода в русской истории большевики не создали и, если бы их политическая задача не привела к изоляции России от Запада, то русская промышленность достигла бы и без советских экспериментов весьма высокого уровня, так как к этому в России были неисчерпаемые возможности, значительно превышающие уже использованные силы в старых промышленных государствах.

А. П. Марков считает, что под влиянием советского шума о грандиозности промышленных достижений, у многих создается впечатление о чем то действительно великом. Между тем достижения промышленности весьма скромны. Если промышленную продукцию в СССР перевести на душу населения и сравнить с С. Ш. С. А., то от грандиозности не останется и следа. Промышленность в СССР находится количественно на еще очень низком уровне.

Вообще, по мнению А. П. Маркова, сравнение СССР с Западом, к чему обычно прибегает советская власть, методологически совершенно неправильно. Во первых, новые промышленные страны, не имея того, что уже сделано в старых промышленных государствах, естественно идут быстрее. В этом отношении примером может послужить Турция, о быстром промышленном развитии которой лестно отзывается и советская печать. Во вторых, и промышленное строительство и промышленное производство в настоящее время происходят в совершенно других технических условиях, чем было раньше. Советская власть, так же, как и до войны, пересаживала к себе высокую западную технику. Наконец, в третьих, Запад уже насыщен промышленностью и для него основной проблемой является в настоящее время не количественный рост, вопрос о чем уже разрещен, а качественное улучшение всей хозяйственной системы.

Нельзя отрицать, что советская власть в своем промышленном строительстве использовала только

внутренние рессурсы. Но в каких условиях это происходило и происходит? В непосильном отягощении населения не было надобности, так как иностранные капиталы обильно пошли бы в Россию при других социально - политических условиях. Промышленность можно было бы строить без ограбления страны и без гибели миллионов людей.

Но существенно то, что советская власть самую проблему построения новой хозяйственной системы до такой степени извратила, что о планированном и гармоническом хозяйстве в СССР вообще не может быть и речи. Советская власть поставила перед собою вопрос только о количественных достижениях и в поисках их совершенно отвергла народно - хозяйственную оценку своего промышленного хозяйства. В самом факте универсальной национализации промышленности надо видеть полное презрение к последствиям этого опыта для страны. Дальше, власть совершенно не считалась с платежеспособностью населения, пред'являя к нему требования без какого-либо учета реальных возможностей, а исходя только из выработанных в партийных канцеляриях заданий. А. П. Марков подчеркивает, что такая политика власти нашла замечательное отражение в двух фактах: в прекрасно действующем в СССР аппарате взимания и никуда негодном аппарате распределения благ (торговле).

Проблема планированного хозяйства, ставшая теперь перед буржуазными государствами, несомненно, более сложна и ценна, чем то, что называют планированием в СССР. Большевики свели ее к весьма грубым задачам количественных достижений, которые при игнорировании интересов населения, при современных технических условиях и при беспощадности к стране разрешить совсем нетрудно.

В ряде диаграмм А. П. Марков иллюстрирует состояние промышленного развития СССР. Но при этом подчеркивает, что и в направлении капиталов в разные отрасли хозяйства и в распределении их по разным отраслям промышленности советская власть меньше всего считалась с интересами населения, что видно из исключительного преобладания промышленности по производству средств производства над промышленностью по производству средств потребления. В такой промышленной политике, обрекающей население на нужду в самых необходимых товарах, не было надобности, так как при нормальных условиях и тяжелая и легкая индустрия могли бы развиваться одновременно, не требуя жертв населения.

Советские промышленные достижения надо оценивать не так, как их оценивают в СССР, а с точки зрения народно - хозяйственной.

А. П. Марков указывает, что промышленность является причиной огромного дефицита, находящего отражение в советском государственном бюджете. Это не имело бы особого значения, если бы к покрытию дефицита не привлекалась страна. Но ей приходится этот дефицит покрывать. Стоит сравнить действующую советскую систему обложения с прежней, как легко убедиться, что власть пошла на введение самой дикой системы налогов. Вся система обложения сводится к универсальному косвенному налогу, падающему на рабочих и крестьян. Среди этих налогов главное значение имеет недопустимый ни в одном культурном государстве налог на хлеб. Власть не щадит рабочих и крестьян обложением. При таком грабительстве количественные промышленные достижения -- не диковина. Дайте эти средства американцам, они создадут чудеса.

Советская власть за годы пятилеток совершенно разрушила денежное обращение. Утверждение Сталина, что советский рубль тверд, как скала, ныне опровергается самой же советской властью, приступающей к реформе денежного обращения. Неверно и утверждение Сталина, что советский рубль помог власти создать промышленность. Не рубль это делал, а те материальные блага, которые при посредстве рубля брались из страны.

Этому содействовала низкая заработная плата, которая уплачивалась рублем, подлинная покупательная способность которого не учитывается и, вопреки фактам, принимается неизменной со времени нэпа. Колоссальный рост цен на необходимейшие товары теперь и во времена нэпа свидетельствует, как фантастична теория большевиков о беспрерывном росте заработной платы, измеряемой в ничего неговорящих советских рублях.

Но денежное обложение и обложение страны через выпуск бумажных денег — это только один из источников промышленного строительства. Главнейшим из них является натуральное обложение (заготовки). Они захватывают значительно больше товарной части в валовой продукции сельского хозяйства. И они неизбежно ведут к невыгодности сельско - хозяйственного труда для крестьянства и, следовательно, к невыгодности с точки зрения народно - хозяйственной капитальных затрат на колхозное строительство.

Советская власть, достигнув прославленного промышленного уровня, совершенно оказалась бессильной радикально улучшить снабжение крестьянства необходимейшими потребительскими товарами. А. П. Марков приводит данные, из которых видно, что до войны и в период нэпа крестьянин за пуд хлеба получал значительно больше товаров, чем получает теперь.

Что касается снабжения рабочих, то огромная их масса принуждена при нынешнем уровне заработной платы сокращать свое потребление.

Таким образом количественные достижения советской промышленности надо об'яснить только тем, что **советская власть создавала и создает промышленность при полном пренебрежении к интересам страны.** Ни одна «капиталистическая акула» не может так хищничать, как хищничают большевики. Восхищаться количественными достижениями советской

промышленности, это значит принять точку зрения самого оголтелого предпринимателя. Нельзя восхищаться одним тем фактом, что промышленность в стране стала государственной. Это — еще не достижение и еще не усовершенствование хозяйственной системы. Государственная промышленность в руках большевиков является не фактором создания благополучной жизни, а причиной угнетения населения материального и политического.

В последнее время советская власть поставила перед собою задачу достижения промышленностью рентабильности. Но любопытно, что и в этом случае советская власть действует, как «капиталистическая акула». Для промышленности добиться рентабельности не трудно при ее монопольном положении в стране. В ее распоряжении монопольные цены. У нее нет конкуррентов. Но разве в этом заключается задача рентабельности? С точки зрения народно - хозяйственной проблема рентабельности требует не только достижения этой цели промышленностью, но и сельским хозяйством. Должны быть рентабельными и все совхозы и колхозы. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы советская власть уплачивала бы не 2-3 миллиарда за один только отнимаемый хлеб, а 18-20 миллиардов. Если бы рентабельно оплачивались все заготовки, то весь советский доходный бюджет должен бы пойти на оплату заготовок. Однако, это еще не все. Рентабельность будет фиктивной, если не будет повышена до нормального уровня зараб. плата рабочих и служащих. Нельзя предприятие в народно-хозяйственном смысле считать рентабельным, если прибыль предприятия создается за счет недоедания рабочих. Но такого подхода у большевиков к рентабельности нет и быть не может, ибо при таком взгляде на рентабельность они должны были бы ликвидировать значительную часть своего промышленного хозяйства. Они идут другим путем — путем нещадной эксплоатации крестьянства и рабочего класса. И этот результат индустриализации является основным и главнейшим «достижением» советской «планированной», «социалистической» системы хозяйства.

Б. Д.

Д. МЕЙСНЕР

Коренной сдвиг или смелый маневр?

(Вокруг проблемы единого фронта).

Что являлось определяющим началом в тактике Коминтерна? На каких «китах» строилась стратегия революционной борьбы за утверждение своих позиций и за мировую социальную революцию вскормленного русским золотом и вспоенного русской кровью мирового коммунизма?

I) Коминтерн ждал революционного выхода из раз'едающего современную Европу экономического кризиса.

II) Коминтерн решительно отвергал различие (с точки зрения меньшего зла) между буржуазной демократией и фашизмом. Мало того: временами он предпочитал молодой, только что слагающийся фашизм старой прочной демократии, находя, что с фашистским режимом легче будет справиться в час «последней и решительной» схватки.

III) Коминтерн решительно отвергал Лигу Наций, как простое орудие господства государств-победителей над государствами, потерпевшими поражение. При этом национализм и «ревизионизм» побежденных всячески потакался, так как в нем видели самое верное революционное бродило.

IV) Коминтерн не только окончательно отвергал буржуазную демократию, но и какое либо сотрудничество с «социал-фашистскими» социалистами, его чуть не главными врагами, обманщиками рабочего класса. Европейские события последних лет заставили международных пособников и агентов московской власти сильно задуматься и основательно перевооружить свою демагогию; конечно, с благословения, прежде всего, Москвы. В самом деле. Что говорили вожди Коминтерна на Московском с'езде летом этого года?

Утверждали они следующее: 1) Необходимо всеми силами и до «последней капли крови» защищать демократический и республиканский строй там, где он существует. Для этого нужно, чтобы коммунистически настроенные и организованные рабочие содействовали сформированию демократического кабинета во Франции и рабочего в Англии, чтобы они поддержали коалиционные правительства там, где таковые имеются (Чехословакия, Дания, Швеция и т. д.). 2) Нужно признать целесообразным, в известных случаях, даже вхождение коммунистов в правительство, конечно, для усиления борьбы с наступающим врагом. 3) Необходимо создать не только единство действий между коммунистами и социалистами (пресловутый единый фронт!), но и восстановить организационное единство классовых рабочих профессиональных и политических организаций, и притом не на основе приятия социалистами коммунистической программы и тактики, а на началах «рабочей демократии и свободной борьбы мнений внутри единой организации». 4) Необходимо отказаться от единства тактики отдельных партий-секций Коминтерна и предоставить им широкую «политическую автономию», для свободного маневри-

рования, вплоть, как сказано выше, до участия в оффициальном управлении страной.

Очень многие готовы согласиться с г. Даном, победоносно восклицающим в «Социалистическом Вестнике»: «одним взмахом руки они (речь идет о знаменитых 21 пунктах, легших в основу Коминтерна и определивших раскол рабочего социалистического движения) сброшены в мусорный ящик истории, как будто их никогда и не было».

Как же понять происшедшую метаморфозу, похожую не столько на эволюцию», сколько на самую радикальную «революцию»? Неужели в самом деле Савлы превратились в Павлов, интегральные взрыватели буржуазного правопорядка в оппозицию «Его Величества», голосующую вполне добросовестно за коалиционную, буржуазно - социалистическую власть, как то, напр. было 9 ноября с. г. в Праге, в парламентских дебатах по докладу министра ин. дел Бенеша? Прежде чем дать ответ на этот основной вопрос — одно психологическое наблюдение над речами, сказанными на московском пленуме Коминтерна, справедливо смутившее русских социалистов.

Свой поворот на 180 градусов заправилы Коминтерна сделали, что называется, не сморгнув глазом; при этом поражает «полное отсутствие вдумчивой и открытой самокритики, без которой, казалось бы, столь радикальный пересмотр всей политической и организационной тактики попросту немыслим» (статья г Дана в номере «Соц. Вестн.» от 25-VIII). В самом деле никаких сомнений, фракционной борьбы, поисков компромисса. Если и приводятся аргументы в защиту новой линии, то рассчитаны они исключительно на партийную галерку. «Вожди» с обычным воодушевлением, под верховным водительством молчаливо присутствующего на конгрессе «великого Сталина», и под ободряющие выкрики нынешнего «рулевого» Коминтерна болгарина Димитрова, — занимают новые, отведенные им начальством, позиции.

Впрочем не надо думать, что старая фразеология оставлена до конца и притом далеко не только одна фразеология!

Французский делегат на конгрессе Коминтерна Торез так определяет задание единого фронта: «Мы идем во Францию навстречу великим боям»; и далее цитата из Сталина: «Победа революции никогда не приходит сама, ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия». Задача поставлена ясно: единый фронт должен не только предупредить фашизацию Франции (это — программа-минимум), но и в порядке великих боев привести к великой революции (программа-максимум и подлинная задача г. Тореза). Еще определеннее формулировал положение, в своей вступительной речи при открытии конгресса Коминтерна, представитель разгромленного германского коммунизма Пик. Он сказал: «Под влиянием опыта классовой борьбы последних лет, под влиянием громадных успехов социалистического строительства в СССР в рабочих массах, в особенности среди социал-демократически настроенных рабочих, начался перелом в сторону решительной борьбы против наступления капитала, фашизма и войны. Во всех странах растет мощное движение единого фронта, которое означает поворот рабочих масс от реформизма к революционной борьбе». Здесь союзникам уже прямо предлагается не что иное, как прежняя коммунистическая программа прямой борьбы за социалистическую революцию И германский коммунист был вполне последователен, когда закончил свой доклад словами — «Наш путь — это революция народов против всех угнетателей и эксплуататоров. Наш главный лозунг — советская власть!»

Вещи, как видим, стоят на своих местах.

В своем отчетном докладе о деятельности Исполкома Коминтерна тот же Вильгельм Пик сделал заявления, не слишком лестные для тех, кого он в своей речи звал к сотрудничеству. «Социал-демократические вожди, провозгласил Пик, обанкротились. История зло посмеялась над жалкими проповедниками « сотрудничества классов », теоретиками организованного капитализма и мирного «врастания в социализм».

Правда, новый временщик, состоящий при самодержце Сталине в должности обер-наставника Коминтерна, Георгий Димитров является главным пропагандистом и обоснователем «единого фронта», для которого он милостиво «не ставит никаких условий, за исключением одного, элементарного, для рабочих приемлемого. А именно, чтобы единство действий было направлено против фашизма, против наступления капитала, против угроз войны, против классового врага!!» Однако и Георгий Димитров, подробно и достаточно, с точки зрения интересов компартии, обосновав необходимость единства рабочего класса, заканчивает свой руководящий доклад словами: «находятся мудрецы, которым чудится во всем этом отступление от наших принципиальных позиций, какой то поворот вправо от линии большевизма. Что же? Голодной курице, говорят у нас в Болгарии, всегда снится просо».

Как видим, вопрос, поставленный в заголовке нашей статьи: «коренной сдвиг или смелый маневр», несмотря на несомненность утверждений, что с'езд Коминтерна пошел по линии полного пересмотра прежней стратегии и тактики и что в этом отношении на Коминтерн всей своей мощью давил его подлинный властелин — советская московская власть, решается не так просто и вовсе не в том, благодушном порядке, который, по образному выражению нового рулевого Димитрова, рисуется, к сожалению, далеко не одной «болгарской курице».

Советская власть и состоящий при ней Коминтерн одинаково являют собой двуликого Януса, один лик которого, перед лицом фашистской опасности, претворяющейся, в отношении России, в опасность

иноземного нашествия, приветливо улыбается умеренным и радикальным социалистам, просто радикалам, пацифистам, Лиге Наций буржуазно-демократическим правительствам и вообще всем тем, на кого можно опереться против врага № 1, особенно любезен этот лик по адресу союзников СССР по борьбе за мир, т. к., очевидно, что Сталин и его министры сейчас действительно до конца миролюбивы...

В этом крутом повороте тактики Коминтерна, как и советской власти в ее внешней политике, нет ничего принципиально нового. Еще в 1918 году на седьмом партийном с'езде партии большевиков была принята резолюция, раздел четвертый которой гласил: **«программа (партии) должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если исход борьбы отбросит нас назад на известное время от этой, превзойденной теперь нашей революцией, исторической ступени».**

Предположить, что Сталин всерьез вспомнит сию соблазнительную резолюцию в применении к нашей российской действительности, значило бы проявить больше оптимизма, чем реального учета сегодняшней советской обстановки, но что резолюция эта, в какой то мере, применяется сейчас коммунистами в Европе, там, где фактически существует государственный правопорядок, основанный на принципах демократии, где коммунисты ищут «единого фронта», оспорить никак нельзя.

Утопающий хватается за змею, гласит индусская поговорка, удивительно удобно применимая и к коммунистам,, протягивающим руку социалистам с риском «размагнитить» свои революционные рабочие массы, и к некоторым социалистам, идущим на союз с Коминтерном, подвергая себя еще большей опасности быть обойденными слева своими, куда более приспособленными к подлинной борьбе друго - врагами и, особенно, к буржуазным радикалам, для которых союз с коммунизмом не может дать ничего, кроме рокового и бесславного поражения.

Куда же смотрит второй лик Януса-Коминтерна, инструктируемого московским начальством? Этот второй лик имеет в виду политику «дальнего прицела». Представим себе на минуту, что европейский, точнее немецкий, фашизм, вместо того, чтобы обрушиться на СССР, сорвется с пути на Восток, куда его зовут германцы, и Европа займется самоистреблением в своих локальных пределах.

Тогда станет действительной реальностью великая, мировая, социальная революция, отведенная сейчас далеко на запасные пути. Такой возможности **может и не быть,** но она **и не исключена;** нечего доказывать, что не Димитрову и Пику забыть об этом гипотетическом шансе отыграться раз навсегда. Если мы теперь обратимся к лозунгам, об'явленным Москвой в день советского праздника 7-го ноября, то нельзя не согласиться с тем же «Социалистическим Вестником», справедливо замечающим: «в международно - пролетарской части лозунгов 1935 года нет ровным счетом ничего такого, что отличало бы их от лозунгов 1934 года и отражало бы то специфически новое в тактике Коминтерна и советской власти, что, казалось бы, стало проявляться за последний год и с чем сторонники единого фронта в Европе связывали столько надежд... Историческое распутье **продолжается»...** (курсив мой, см. Соц. Вестник» от 10 ноября).

Мы знаем, что борьба за «единый фронт» продолжается; знаем, что верным пестуном последнего является французская социалистическая среда и часть радикалов, принудивших эту буржуазно - мещанскую партию коалироваться с коммунистами и таскать чужие каштаны из опасного костра, который, раз разгоревшись, может начать пылать уже вне воли принесших к нему первые сухие ветви. Говорят, что наличие фашистских лиг заставляет активизировать «единый фронт» (соображения внешней политики, сами по себе очень существенные, мы тут намеренно оставляем в стороне).

Какой, очевидно, порочный круг! Ведь и вожди этих лиг привлекают новые тысячи последователей одним кивком головы в сторону странного «левого» блока и связанной с ним революционной опасности. Слишком легко доказать, что в едином фронте, в случае наступления действительно острой политической ситуации, руководство массами почти неизбежно должно перейти к коммунистам, с теми всеми грозными последствиями, которые отсюда проистекут. «Единый фронт» может стать лекарством более опасным, чем самая болезнь.

Мы знаем, что в других странах картина сложилась совсем иная. Социалисты там (классический пример Чехословакия) органически сотрудничают с «буржуями» в самом правительстве и отвергают все попытки к единому фронту, вовсе не отвергая политического союза с советской государственной властью. Последний, очень важный и характерный этап в истории коммунистических навязываний себя в союзники социалистам разыгрался совсем недавно. Когда на африканском небосклоне сгустились тучи, коммунисты, как всем известные миротворцы, начали бить тревогу. 1 мая 1935 года коммунистический Интернационал обратился к Интернационалу социалистическому с предложением общего выступления против войны. 25 сентября предложеие это было повторено в очень настоятельной форме. 7 октября Димитров послал секретариату II Интернационала срочную телеграмму, в которой заявлял: «всякое дальнейшее промедление в деле установления единства действий для борьбы против начавшейся войны имело бы тяжкие последствия». Только 12 октября, — жалуется сотрудник «Правды», известный коммунистический деятель Готвальд, — исполком Соц. Интернационала начал обсуждение предложения Коминтерна. Известно, что последовало дальше. Против предложения Коминтерна, со всей

решительностью высказались представители 5 партий — в связи с чем Соц. Интернационал отказал Коминтерну в единстве действий. Принята была очень определенная по своему общему направлению резолюция: «Что касается предложения Коминтерна о свидании с 4 делегатами, выделенными им, то социалистические партии Англии, Голландии, Швеции, Дании и Чехословакии заявили, что они не могут одобрить принятия этого предложения, вопервых, в виду состава делегации Коминтерна, вовторых, потому, что отвергают всякое единство действий с компартиями их стран и всякое единое действие обоих Интернационалов. Исполком Социалистического рабочего Интернационала вынужден считаться с мнением этих крупных партий рабочего класса и не может принять приглашения Коминтерна». Интересно, что эта резолюция, предупреждающая возможность раскола II-го Интернационала принята была исполкомом его **единогласно**, при одном воздержавшемся.

Как видим, протянутая рука еще раз повисла в воздухе и социалистический Интернационал остался на своей прежней, установленной еще 7-го ноября 1934 года позиции, согласно которой «входящие в социалистический рабочий Интернационал партии сами решают, хотят ли они идти на единство действий с коммунистической партией в своей стране или нет».

Попробуем свести высказанное выше нами к немногим кратким тезисам: 1) Изменение тактики Коминтерна вызвано двумя причинами: поражением компартий в странах наступающего фашизма и новой ориентацией советской власти, боящейся международных для нее осложнений и военного конфликта и переживающей период депрессии, после неудачной попытки проведения «социализма в одной стране», 2) Идея мировой революции, в данное время неактуальная, остается в железном идейном фонде Коминтерна и сов. власти; для этой перспективы еще могут открыться невиданные доселе возможности, 3) Единый фронт социалистов с коммунистами грозит первым захватом их организационных и идейных позиций вторыми, 4) Единый фронт «буржуазных» партий с коммунистами порочен в самой своей основе и является лучшим козырем в игре фашистских элементов и их боевых дружин, 5) Демократия **должна** и **может** защищаться лишь на своих собственных позициях. В трудные минуты она должна быть крутой в своих действиях, но и ясной в своей программе и тактической линии. Доказательства тому дает сама жизнь: там, где нет единого фронта, — демократия сильна, а фашизм хил; там, где имеется «единый фронт», растет параллельно и фашистская сила, причем последняя растет быстрее первой.

Можно, конечно, устранить чорта реакции, но место его легко может занять Вельзевул; — эти слова, сказанные много десятков лет тому назад Масариком, следует напомнить друзьям «единого фронта».

У нас, русских, на этот счет есть кое-какой опыт.

Д. Мейснер.

В. ПОПОВ

Советские достижения и эмиграция

По адресу эмигрантской прессы за последнее время можно нередко слышать упреки в тенденциозно-мрачном освещении советской действительности — в нарочитом подчеркивании и раздувании советских неудач и недостатков и в сознательном замалчивании или, в крайнем случае, сильном затушевывании советских успехов и достижений.

Упрекающих можно разбить на две группы. Первая — это люди, утратившие волю к борьбе с большевиками, **уверовавшие** в положительные качества и сов. эксперимента и сов. строя и со свойственной всем неофитам страстностью этот строй защищающие. Разубеждать этих людей — дело бесполезное, т. к. чувство у них превалирует над разумом и рассеять созданные ими иллюзии может только непосредственное на месте ознакомление с подлинной советской действительностью.

Вторая, гораздо более многочисленная, чем первая, группа состоит из людей продолжающих, и поныне оставаться на своих антибольшевистских позициях, но испытывающих в своей душе сомнения и колебания. Привыкшие тщательно обосновывать как свои симпатии, так и антипатии, эти люди не ощущают в себе прежней уверенности и мучаются сомнениями, подлинно ли правильна занятая ими позиция и следует ли на ней оставаться и в дальнейшем. Что именно смущает и волнует этих людей?

Первое — это неосуществление постоянных, изо дня в день, из года в год, повторявшихся утверждений эмигрантской прессы о полном провале большевистских затей и о неминуемости и близости бесславного большевистского конца.

Второе — неудовлетворенность эмигрантов окружающей здесь обстановкой. Попав заграницу в эпоху после-военной разрухи и жесточайшего экономического кризиса, видя собственными глазами раздирающие весь мир противоречия, терпя материальную нужду и испытывая на себе самом всякого рода ущемления и стеснения в своем праве на труд и на существование, многие эмигранты стали совершенно по иному расценивать действующую на Западе социально - экономическую систему и, же-

стоко критикуя ее, стали более снисходительно относиться и к сов. недостаткам.

Третье — самое важное и существенное — более всего смущающее эмигрантские души обстоятельство — это всевозможная пропаганда всякого рода советских «побед и достижений».

В области пропаганды большевики показали себя подлинными и искусными мастерами этого дела и для восхваления своего социально - экономического и политического строя и для прославления своих вождей пользуются всеми возможными средствами. Печать русская и иностранная, радио, кино, литература, искусство, все новейшие достижения мирового прогресса — все работает для прославления сов. строя и в области рекламы своих подлинных и мнимых успехов большевики действительно «догнали и перегнали» Америку и прочие капиталистические страны. И нужно отдать справедливость, затраченные большевиками усилия не пропали зря, и не только весьма большое число иностранцев искренно уверовало в положительные свойства сов. строя, но и во многие эмигрантские души закрались сомнения и колебания.

Попытаемся разобраться, есть ли, действительно, успехи большевиков и в какой мере эти успехи могут изменить отношение эмиграции к сов. власти.

Очень часто, говоря о результатах сов. эксперимента, производят сравнение между нынешними данными и данными последних довоенных лет (обычно 1913 г.) и количественный, весьма значительный для некоторых областей народного хозяйства, прирост ставят всецело и исключительно в заслугу сов. правительству. Упускают из вида, что Россия, независимо от ее политического строя, за эти 20 лет не стояла бы на месте, а развивалась бы, шла бы по пути и индустриализации и механизации сельского хозяйства. Лучшее доказательство тому — последние довоенные десятилетия, когда наша страна энергично насаждала и развивала свою промышленность и быстрым темпом догоняла западно-европейские страны. Этот рост шел без всяких жертв со стороны населения.

Забывают также, говоря о сов. достижениях, и об общем мировом прогрессе, сделавшем за последнюю четверть века совершенно невиданные прежде по размерам и глубине успехи. Вспомним хотя бы завоевания, почти не существовавшей до войны авиации, синематографа, радио. Научный прогресс совершенно трансформировал темп мировой жизни уничтожил казавшиеся ранее непреодолимыми препятствия, уничтожил расстояние, связав между собой отдаленнейшие уголки земного шара. Разве Россия при любом строе осталась бы в стороне от этого прогресса, не воспользовалась бы его достижениями, его новейшими завоеваниями, разве она не использовала бы его так же, как это сделали большевики?

И еще одно обстоятельство, тоже весьма немаловажное — это заслуги и достижения самого русского народа, создавшего в эпоху, когда большевиков еще не существовало вовсе в природе, и великую русскую литературу и русскую науку и искусство.

Богатый талантами, пытливый в своих исканиях, не любящий ходить по протоптанным уже тропам, а жадный до поисков новых путей, новых завоеваний, русский народ дал миру не мало блестящих своих дел, не мало блестящих своих представителей. И достаточно примера Ломоносова, чтобы показать, что эти лучшие русские люди не принадлежали только к выходцам из «правящего класса». Мы всегда верили и посейчас глубоко верим и в талантливость и в творческую энергию наших соотечественников и мы были первыми, утверждавшими, что приход большевиков к власти не мог убить творческих сил русского народа и что Россия, несмотря на кошмарные условия своего существования, жива и живет. За 18 лет пребывания большевиков у власти обнаружилось не мало новых талантливых русских людей — они об'явились бы и при наличии иной власти — и приписывать их существование и появление исключительно большевикам нет решительно никаких оснований. Прежние правительства были много скромнее большевистского, они никогда не приписывали себе заслуг выдающихся русских людей даже тогда, когда эти правительства действительно оказывали этим людям помощь и поддержку в их творчестве, и победы русского гения никогда не выставляли за достижения своего режима.

Большевики заменили имя «Россия» названием «Советский Союз», а слово «русский» словом «советский». И теперь вы нигде не встретите выражения «победа русского гения, русского писателя, артиста, ученого», везде говорится о «советских» победах «советского» ученого, писателя, артиста. Если иностранцы и сейчас часто называют победы русских людей «русскими» победами, то большевики этого не делают никогда. Слово «советский» им дает возможность известного политического шулерства, приписывания личного успеха каждого советского гражданина успеху существующего в России социально-политического строя.

Для примера назовем только трех лиц, прославивших русское имя еще задолго до октябрьской революции — Павлов, Горький и Качалов. Ныне — это «советский ученый», «советский писатель», «советский артист». Ну, а если бы не было большевиков, разве их творческая деятельность была бы менее интенсивной и разве именно сов. власти они обязаны своими достижениями?

Нам чужда точка зрения нашей правой эмигрантской печати, в своей лубочной непримиримости не желающей признавать никакой целесообразности и полезности для России тех или иных большевистских действий и принципиально и огульно отрицающей какие либо советские достижения.

Нет, говорим мы, воздадим большевикам должное, но только должное и, если мы о большевист-

ских действиях отзываемся положительно весьма и весьма редко, то только потому, что мы умеем отличать подлинные достижения от дутой рекламы, потому, что мы оцениваем не только, что сделано, но и как и какой ценой это сделано.

Мы не отрицаем ни исключительной энергии, ни ряда достигнутых сов. властью хозяйственных успехов, но мы не можем проходить мимо наличия в их деятельности самой невероятной фантастики, нездорового прожектерства, рекордсменства, непроизводительности многих расходов, бессмысленности многих затрат. Мы видим, что у большевиков имеют гораздо больше успеха проекты, бьющие на эффект, чем планы рационального и гармоничного развития народной жизни. Мы знаем, что созидание в одних областях идет за счет разрушения и разорения других.

Мы очень скептически относимся к советской статистике, т. к. знаем, что в ней много ложных, нарочито подогнанных данных, что «очковтирательство» пышным цветом цветет на всех ступенях сов. лестницы. Мы знаем, что более или менее точные и отвечающие истине цифры даются только через год, когда начинают говорить о неповторении в текущем году ошибок прошлых лет.

Мы знаем, в какую цену обходится русскому народу советское хозяйничанье, знаем, что за выстроенные большевиками фабричные и сельские гиганты он заплатил миллионами жизней, 18 годами кошмарного и голодного существования. Мы знаем и то, что это продолжается и поныне и, хотя Сталин и говорит, что жить стало веселее, но веселье это доступно и сейчас только немногим.

Но разве количеством добытого большевиками угля, нефти, золота и их хозяйственными достижениями или провалами определяется наше отношение к сов. власти? Разве сомнениями в хозяйственных способностях большевиков об'ясняется наше непримиримо - враждебное отношение к ним? Разве из-за этого мы начали и продолжаем и поныне нашу борьбу с ними? Конечно нет. Советская диктатура для нас неприемлема не только по мотивам экономики, а, главным образом, и за их отношение к человеческой личности, за пренебрежение человеком как таковым...

В этой области за все 18 лет сов. властвования мы не видим абсолютно никаких изменений. И на 19-м году сов. власти, так же как и на заре большевизма, такое пренебрежительное отношение к человеку, такая же расценка его лишь с хозяйственной точки зрения. Знаменитая Сталинская речь о кадрах, о необходимости беречь людские кадры, лишний раз подчеркнула, что большевики ценят людей только как кадры, как одну, притом наиболее трудно заменимую принадлежность машины, а отнюдь не как индивидуум, как человеческую особь саму по себе.

Бесправие сов. гражданина остается неизменным втечение всех 18 лет сов. господства и до сих пор сов. гражданин, ложась вечером в кровать, не уверен, что проспит в ней до утра, а не будет среди ночи отправлен безо всякого суда и вины за тюремную решетку, в далекую ссылку, на расстрел...

Мы не забываем, о бесчисленных лагерях ГПУ или НКВД, как оно зовется теперь, где в ужасных условиях каторжной жизни томятся, если не миллионы, то многие сотни тысяч ни в чем неповинных людей, мы не забываем всей кошмарной, кровавой сущности советского режима.

Нас не соблазнят действующие на воображение многих блестящие фасады воздвигнутых большевиками гигантов, так как мы постоянно помним и о сов. задворках и о сов. застенках и, пока последние существуют, и наше и всей русской эмиграции отношение к большевикам может быть только одним определенно отрицательным.

В. Попов.

Е. НОВОХАТНЫЙ

Политическое об'единение эмиграции

В одном из своих публичных выступлений, П. Н. Милюков мимоходом коснулся вопроса о созыве нового зарубежного с'езда, идея которого, судя по проявленной одной из парижских эмигрантских газет нервности, возникла и культивируется в тех-же эмигрантских кругах, которыми в свое время был организован и первый зарубежный с'езд.

Конечно, девять лет в жизни эмиграции — срок большой. За это время эмиграция, как и все в мире, как-то эволюционировала. Поэтому есть много вероятий за то, что на таком с'езде обозначилась бы некоторая перегруппировка политических сил и отметились бы некоторые политические сдвиги. Однако и этот, вообще говоря весьма проблематический с'езд, как и с'езд 1926 г., мог бы быть назван зарубежным только по географическому признаку, а никак не в смысле широкого политического об'единения эмиграции, пути к которому вперед заказаны отсутствием той общей политической платформы, которая допускала бы более широкий политический сговор.

«Об'единение на отрицательной задаче недостаточно, а на положительной невозможно», формулировал существующее положение П. Н. Милюков, и с этим трудно не согласиться.

В русской эмиграции, как и повсюду, существуют различные политические течения и добиваться политического об'единения там, где взаимное от-

талкивание кроется в самых основах политического миросозерцания, является делом явно безнадежным. А потому, обывательской мечте о «всеобщем» об'единении надо положить конец и к ней больше не возвращаться.

Однако, одним таким признанием, вопрос о политическом об'единении эмиграции далеко еще не исчерпывается. Ибо нельзя опровергнуть того печального факта, что политическое дробление зарубежья с годами не только не уменьшается, а, наоборот, заметно увеличивается. Как грибы после дождя, появляются все новые и новые политические группировки, замкнутые в узком кругу, враждебные всем остальным и, что хуже всего, с весьма малым политическим кругозором, а, в большинстве, и с довольно сумбурной идеологией. Эмиграции определенно грозит опасность глубокого погружения в тину кружковщины, где начетнический спор о политическом двуперстии и триперстии приобретает доминирующее значение и заслоняет все остальное.

Поэтому, не стремясь к заведомо недостижимому, не следует, однако, упускать из виду всего того, что могло бы препятствовать образованию этой кружковщины и так или иначе способствовать выходу эмиграции на путь более широких политических об'единений. Думается, что в современную нам эпоху острых социальных конфликтов, когда меняются привычные формы социальных взаимоотношений, а попутно берется под сомнение ценность, казалось бы, незыблемых основ европейской культуры, можно найти достаточно материала для пересмотра степени важности и уместности тех междупартийных разногласий, которые, быть может, имеют известный смысл в процессе нормальной государственной работы, но которые навряд-ли могут быть оправданы в условиях эмигрантской деятельности; особенно, если принять во внимание исключительную остроту переживаемого нами времени, которое трудно назвать периодом спокойной эволюции.

Конечно, было бы ошибочным утверждать, что мы переживаем эпоху как раз той социальной революции, о которой в свое время мечтали большевики. Это было бы непростительным преувеличением. Но еще более ошибочно и близоруко относить все социальные конфликты современности к числу явлений случайных и временных, после изжития которых народы снова вернутся в старое русло довоенной государственности.

Не приходится отрицать, что социальное равновесие в послевоенном государстве в сильной степени нарушено. Что в частности оно нарушено в области наиболее чувствительной, в области социальной экономики. А потому, если в первые годы после войны некоторые государства еще могли мечтать о возврате к старому порядку вещей, то в настоящее время, когда выяснилась практическая неосуществимость этих надежд, суровая необходимость заставляет их, одно за другим, переходить на путь более или менее радикальных реформ, имеющих своей целью вновь обрести то утраченное равновесие, без которого немыслима нормальная жизнь государства.

И с этой точки зрения, волна революций, в том числе и фашистских, которая прокатилась в послевоенные годы по Европе, и непрекращающееся глухое брожение, которое в настоящее время наблюдается повсеместно, имеют в основе своей одну и ту же сущность: глубокое недовольство народов существующей системой человеческого общежития и стремление заменить ее новым социальным строем, в большей степени отвечающим социальному сознанию современного человека.

В одних случаях эти искания протекают с большими потрясениями; в других — с меньшими. Одни народы ищут выхода в одном направлении, другие — часто в противоположном. Но как вывод можно утверждать лишь одно: единодушное в своем отрицании старого социального порядка, человечество настойчиво ищет новых его форм, но пока что не достигло таких результатов, которые бы в достаточной степени удовлетворяли пред'явленным требованиям. Мир все еще находится в периоде судорожных социальных исканий, а характерный тип послевоенного государства — в периоде формирования.

Поэтому, вполне естественно, что политические партии, особенно старые, чья идеология создавалась в довоенное время, вынуждены, учитывая новую обстановку, или заново пересматривать свои программы, или, пользуясь растяжимостью включенных в них понятий, толковать их по иному, или, наконец, просто-на-просто отказываться от их практического осуществления, несмотря на открывающиеся, иногда, к тому формальные возможности.

Последним, особенно, грешат, и это вполне естественно, партии программно более радикальные, в частности, партии социалистические. А характерным примером такого глубокого забвения своей собственной программы может служить германская социал - демократия, которая за много лет своего пребывания у власти не только не пыталась осуществить свои программные жупелы, как например, социализация промышленности, но даже не рискнула на хотя бы скромненькую земельную реформу, настоятельно диктуемую и современным социальным сознанием и тактическими интересами самой партии.

Такую же, мягко выражаясь, осторожность можно отметить в деятельности и других радикальных партий, вышедших в послевоенное время из положения безответственной оппозиции на широкую дорогу ответственной государственной работы.

Конечно, в каждом отдельном случае имелись и имеются достаточно веские обстоятельства, заставляющие эти партии идти по пути столь отличном от программного, но от этого сущность дела не меняется: так или иначе, а жизнь показала, что их программы страдают известным максима-

лизмом, не могущим быть осуществимым на практике иначе, как по рецепту российских большевиков, составляющих в этом отношении исключение из общего правила. А потому, поскольку партия не строит свои расчеты на кровавую революцию и насильственное, в духе большевиков, изменение существующего социально - экономического строя, практические для нее возможности заключаются лишь в некотором компромиссе с реально существующим, в известных к нему поправках, словом, не радикальная ломка, а реформа, хотя бы и глубокая.

Это обстоятельство, повидимому, учитывается и в России, где стремление не ломать существующую систему в целом, а лишь приблизить ее к потребностям и возможностям страны, наблюдается и среди оппозиционных групп, которые получили там скотько нибудь широкое признание.

Итак, и в обще - европейском и в частно - российском случае можно отметить большую тенденцию к реформе существующего соц.-экономического строя, с той лишь разницей, что на западе эта реформа направлена в обратную, по сравнению с Россией, сторону. Т. е., если в российском случае жизненная необходимость настойчиво требует отступления от ортодоксального социализма и отведения индивидуальному началу известной области в хозяйственной жизни страны, то та же жизненная необходимость толкает остальные государства на путь решительного отказа от ортодоксального хозяйственного либерализма и значительного расширения сферы деятельности, и роли вообще, в народном хозяйстве, начала государственного (коллективного) за счет ослабления начала частно-капиталистического.

Таким образом, на ближайший период жизни человечества как будто бы намечается известный компромисс в виде синтеза социалистического и частно-капиталистического хозяйствования, причем сфера деятельности и роль того и другого из этих начал будут естественно диктоваться теми хозяйственными, политическими и бытовыми условиями, которые имеются на лицо в каждой отдельной стране.

Поэтому, не приходится удивляться, что ревизионистские тенденции в смысле отказа от немедленного 100 % социализма постепенно усиливаются в сознании социалистически настроенных масс и, как это видно из примера бельгийской социалистической партии, принявшей известный «проект де- Мана», учитываются отдельными социалистическими партиями. Подобный же переход из области желаемого в область достижимого настолько приближает их к тем радикальным, но не-социалистическим, течениям, типа РДО, которые, не отрицая ценности социализма, как известной соц.-экономической доктрины, считают, однако, что полная социализация народного хозяйства не отвечает ни интересам, ни запросам человека, — что между ними исчезают принципиальные отталкивания, и вопрос сводится в сущности к спору о степени, что, конечно, не может служить непреодолимым препятствием ни для идейного сближения, ни для совместной практической работы.

Но и помимо этой программной близости в области экономики, сближение этих групп диктуется и тем, не менее важным обстоятельством, что, как показал после-военный опыт, в своей борьбе за новый социально-экономический порядок, народы часто теряют и те, конечно, недостаточные, но все же весьма ценные для человека политические права и гражданские свободы, которые в результате длительной борьбы были, наконец, закреплены в принципах демократии. Поэтому, поскольку обеими сторонами признается ценность этих принципов и ощущается стремление к защите их в периоды политической реакции, для них создается новая идейная база, оправдывающая их сближение и в области общеполитической.

Нечего и говорить, что подобное об'единение демократических сил вдвойне оправдано в применении к российской эмиграции, где почва для нее еще в большей степени подготовлена и наличностью общей борьбы с коммунистической диктатурой, и отсутствием тех партийных избирательных интересов, которыми часто диктуются тактические шаги отдельных политических партий.

Таким образом, считая, что политическое об'единение эмиграции не может быть осуществлено на основании одного лишь формального признака принадлежности к антибольшевистскому лагерю, но требует, кроме того, и своего идейного оправдания, максимальные возможности для эмиграции в этом отношении открываются в виде создания двух фронтов: реставрационно - фашистского, стремящегося вернуть Россию к исторически обреченным формам довоенной государственности, путем ли прямого насилия над русским народом, или фальсифицированием его воли в тисках единоличной или партийной диктатуры и фронта социальной демократии, идеологически приемлющей русскую революцию и склонной закрепить все те ее социальные сдвиги, которые соответствуют народному желанию, выраженному в условиях свободного, демократического, режима.

Думается, что об'единение в том или другом виде отдельных эмигрантских групп внутри этих двух фронтов и отвечает общим задачам эмиграции и может реально осуществиться, при наличии, конечно, к этому доброй воли.

Е. Новохатный.

П. МИЛЮКОВ

СОЦИАЛИЗМ И НЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(К статье Е. Новохатного)

Наш коллега Новохатный дает эмиграции совет — об'единиться в два большие фронта — направо и налево. Я очень сомневаюсь в наличии «доброй воли» для такого об'единения направо. Со времени зарубежного с'езда, провалившегося именно вследствие отсутствия этой воли к об'единению, правый фланг эмиграции настолько раскололся и часть его приняла в свои программы настолько «левые» элементы, что задача об'единения превратилась в совершенно фантастическую. Другое дело — фронт левый. Здесь об'единение не только возможно: оно существует, — конечно, не в тех пределах — включая Сталина, как любят представлять нас своим читателям наездники из «Возрождения», а в пределах коалиции эпохи февральской революции, Я напомню Новохатному, что первые попытки республиканско - демократического об'единения были предприняты в соединенных совещаниях представителей всего этого крыла эмиграции и имели последствием создание формально об'единенной группы. Когда нужно, эта организация всегда имеет возможность выступить сообща, в обычных условиях ведется неформальное общение между ее составными частями. Одна эта справка показывает, что никаких препятствий для этого рода об'единения в левом крыле не существует.

Но, конечно, этим одним вопрос, поставленный Новохатным, не решается, так как автор ставит его в более общей форме. При такой постановке мы и сталкиваемся с рядом предварительных вопросов. Прежде всего, о каких социалистах и о какого рода социализме идет речь? Социалисты северной Европы, бельгийцы, скандинавы давно участвуют в политической жизни своих стран в качестве не только депутатов, но и членов правительства, несущих ответственность за управление государством. Уже в Англии подобное участие является до сих пор своего рода новшеством, скачком в неизвестность, так как и среди английского социализма имеются разные течения, далеко несогласные друг с другом и совершенно различно относящиеся к современному строю и современному государству. Еще более приложимо это наблюдение к французскому социализму, где министериабельность и отказ от революционных форм классовой борьбы являются исключением, за которое виновники подвергаются преследованиям конкуррентов и карам в среде собственной партии.

Каково положение русского социализма в этом отношении? Довольно трудно судить об этом в настоящее время, когда ни одна русская партия не имеет возможности приложить свои силы к политической борьбе в рамках государственности. А в прошлом — русский социализм скорее представлял зрелище, напоминающее социализм французский, чем социализм северных стран. Ему пришлось учиться борьбе в парламентарных формах в период революции — когда его революционные привычки далеко не были изжиты. Естественно, что в борьбе с профессионалами революции во что-бы то ни стало новоиспеченные социалисты-парламентарии принуждены были уступить им место. Этот максимализм русского социализма провожает нас вглубь всего его прошлого. Он в значительной мере повинен в неудаче первой русской революции 1905 года. И на всем этом протяжении своей сравнительно недолгой истории русский социализм является «другом - противником» русского демократического движения. Попытки несоциалистической демократии удержать борьбу в рамках конституционной легальности, конечно, наткнулись прежде всего на сопротивление со стороны старого режима. Но сопротивление это было вызвано в большой мере и тем, что старорежимная власть била по несоциалистической демократии, не проводя границы между демократией и социализмом. Провести и укрепить эту границу было всегдашней задачей новорожденных демократических партий. Они многое заимствовали из социалистической программы вместе с радикальными течениями Европы; но они не разделяли ни ее классовой теории, ни ее революционной тактики. На этом различии всегда терпели крушение попытки тактического сближения в прошлом. В настоящем, как всегда после неудач и крушений, сближение это значительно облегчено, но его прочности все же мешают — не столько горькие воспоминания

прошлого, сколько неизвестность будущего. Тактические соглашения, обыкновенно, заключаются для близкой и осуществимой практической цели. Для такого соглашения в эмиграции нет почвы, как бы близко ни сходились программы - минимумы обоих течений. Только практическая политика может показать, насколько русский социализм — если не в целом, то хотя бы в части, приблизился к европейскому социализму северного типа.

Таковы замечания, которые мне хотелось сделать по поводу интересной статьи Новохатного. Он прав, конечно, что русский радикализм (слово «либерализм» в данном случае менее точно), как и европейский, переживает в идее волну социального реформаторства. Насколько эти переживания смогут перейти из области идей в область практических достижений, может показать, повторяю, только новый политический опыт. В ожидании его, как впрочем и раньше, русскому радикализму прежде всего следует оставаться самим собой, памятуя, что уроки прошлого он может скорее давать своим социалистическим партнерам, нежели получать от них. Нужно также помнить основное правило всяких коалиций: они строятся, как морская эскадра из тихоходных и быстроходных судов, — по своим наименее быстроходным партнерам.

П. Милюков.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Политические заметки

«ЭВОЛЮЦИЯ» МЛАДОРОССОВ

(От Союза Младороссов к Младоросской партии)

Эмиграция прошла мимо «громадного» события, не обратив на него никакого внимания: в «Младоросской Искре» от 25 августа «Глава» об'явил перерождение Союза Младороссов в Младоросскую партию (она же вторая советская партия).

Провозглашение столь важного факта потребовало очень длинных рассуждений главы, который, повидимому, не хочет отстать, по размерам своих статей и речей, от представителей «первой советской партии».

В конце концов, от слова не станется. Замена одного ярлыка другим по существу ничего не меняет.

Психологическая причина этого невинного переименования ясна: нужно создать для своих приверженцев видимость работы, движения вперед, показать свой, так сказать «динамизм».

Оказывается, что «союз младороссов, как организационная форма, стал мал и тесен. Необходимость развертывания организации в партию стала очевидной».

Однако, самый термин «партия» смущает людей, собранных под младоросским стягом, связанных между собой не столько идейной общностью, сколько, как поясняет Казем-Бек, личной дружбой в рамках орденской организации. Поэтому лидер торопится об'яснить, что речь идет об особой партии, ничего общего не имеющей с обычными партиями, параллельно сосуществующими в «разлагающихся» демократических государствах.

«Современное государство уже не знает многопартийности и партия становится орудием ликвидации партий через об'единение их последователей», смело заявляет однобокий младоросский публицист. «Партия в современном смысле не есть один из конкурирующих кланов, а **единый и единственный** отбор активных элементов нации, об'единенных общим идеалом и общим служением стране».

И далее: «партия создается на месте прежнего Союза младороссов потому, что младороссы сознают свой долг дойти до замены нынешней правящей коммунистической партии — новой. Отсюда и лозунг о второй советской партии... Основная задача новой партии — захват власти для возглавления дальнейшей исторической эволюции русской жизни».

Вопрос поставлен ясно и без обиняков: коммунистическую диктатуру нужно заменить диктатурой младоросского отбора.

Казем-Бек мечтает о создании тоталитарного младоросского государства, увлеченный итальянским и гитлеровским образцами.

Отсюда, уже сейчас в обстановке свободной эмиграции, он заявляет нелепые претензии представлять всю эмиграцию (за вычетом, повидимому,

«старо-эмигрантов», ибо, как образно пишет Казем-Бек, «сама жизнь обслуживает ассенизационную отрасль русского дела и чужие кладбища становятся архивным складом русской смуты»).

Тут проскальзывают уже просто опасные, требующие клинического лечения, симптомы мании величия: «младороссы несут ответственность за всех русских. Младоросская политика приносит всем русским во Франции больше пользы, чем ходатайства напуганных официальных, так сказать, представителей эмиграции». Перед младороссами стоит «обязательство широкого охвата и организационного поглощения все более широких оттенков русской мысли».

Не слишком ли поторопился Казем-Бек, поставивший перед собой задачу «об'ять необ'ятное» — «представить возможно более полный спектр оттенков русской мысли», — принять за действительность свои химеры? Никто ему не давал таких широких полномочий, никакого «мандата» он не получал от русской эмиграции, тем более от «русской судьбы во всей ее полноте».

Пусть «глава» охватывает тех, кто по политической неопытности хочет быть опутан младоросскими сетями, но при чем тут другие политические течения, которые не испытывают ни малейшего желания раствориться в мутном младоросском «океане».

Младороссы — это монархическая легитимная партия, которая не вмещает в себе даже всех оттенков монархической мысли (вспомним резкий разрыв с младороссами верного государева человека А. А. Башмакова, укажем на монархистов из Национального Союза Нового Поколения и Воинского Союза — решительных врагов младороссов). Если младороссы не сумели об'единить сравнительно узкую среду эмигрантских монархистов, то только расстроенное воображение может рисовать перед ними фантастические перспективы какого то гармонического слияния разных политических направлений под сенью исторической монархии. С такой политической одержимостью спокойная аргументация и разумные доводы бессильны справиться.

Пока что «Младоросская Искра» с восторгом сообщает об «охвате» Е. И. В. в. кн. Дмитрия Павловича, Е. В. кн. Дмитрия Александровича, печатает приветствие В. кн. Андрея Владимировича. Вот подлинное призвание младоросской партии — «охватить» обломки навсегда рухнувшей династии, об'единить монархические элементы русской эмиграции, прибегая при этом, особенно для уловления политически безграмотной молодежи, к смелым тактическим маневрам и ловким организационным приемам.

Все остальное — c'est de la blague, как говорят французы.

ПО ПОВОДУ ПРОГРАММЫ НАЦ. СОЮЗА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.

«Борьба не есть цель, а только средство для достижения известной цели. Там, где нет цели, не может быть пафоса борьбы, ни жертвы. Задача формулировать эти цели лежит на эмиграции... И к нам неоднократно обращались именно из России с требованиями взять на себя идеологическую работу, которая там абсолютно невозможна».

Эти мысли развиваются во вступлении недавно выпущенной в Белграде брошюры Н. С. Н. П., в официальном программном документе. Казалось бы, нужно только приветствовать такое недвусмысленное присоединение, правда с 10-летним запозданием, к основным тактическим положениям всей левой эмиграции, в частности, к тактическим тезисам Р. Д. О. 1926 года. Однако, недостаточно написать ряд азбучных истин, необходимо их внутренне, глубоко усвоить и привести в соответствие с ними свою программу и тактику.

И нам, к сожалению, приходится взять обратно наш комплимент. Программа Н. С. Н. П. не удовлетворяет требованиям искренности и договоренности. Тактическая линия упрямо игнорирует реальную сов. действительность, а деятельность этого Союза в эмиграции приносит прямой вред и отбрасывает мрачную тень на репутацию русской эмиграции.

Но в настоящей заметке речь идет только о политической «теории».

Первый пункт идеологических положений выдвигает требование твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами. Тщетно искать на протяжении 80 страниц брошюры развития и уточнения основного вопроса политической программы — проблемы власти. Нет решительно никаких указаний на природу верховной власти. Где источник власти, какова система государственного устройства?

Будет ли власть опираться на волю народа, в нем видеть высший источник своих полномочий, бу-

дет ли она строиться на основе божественного права неограниченной монархии или попросту фактически господствовать по праву сильного — по поговорке: «кто палку взял, тот и капрал»?

Нельзя в своей положительной программе ограничиваться критикой парламентаризма, партийного засилия и выдвигать лишь признак «твердости» власти. Ведь и демократия создавала и создает в ответственные исторические моменты непреклонную сильную власть.

Итак, в основном вопросе бытия будущей России — с народом или против народа — полное молчание.

То, что не досказано в напечатанной программе, договаривается в публичных собраниях членами Н. С. Н. П. Так на собрании пресловутого «дня непримиримости и национального утверждения», устроенном в Париже 10 ноября с. г. один из ораторов г. Столыпин, красочно полемизируя с младороссами, «этими исчадиями (!) русской смуты в среде псевдо - правого лагеря», выражал свое негодование, что как раз «эти люди стараются вовлечь в свою орбиту исконные и самые священные для нас устои русской государственности» (т .е. монархический принцип).

Было бы честнее такие утверждения поместить в соответствующем отделе программы и восполнить в ней столь существенный пробел.

Характерным образом авторы программы старательно избегают употреблять самый термин «политика».

Люди как будто занимаются политикой, но одновременно это понятие вызывает у них отталкивание. Много говорится — и это похвально — о гражданских правах и свободе (равенство перед законом, свобода хозяйствования и пр.), но ни слова о необходимой первооснове всякой свободы — о свободе политической.

Очень охотно пользуются термином «деловой» Повидимому, он должен заменить отжившее понятие «политики». И государство будет «национально-деловым» и представительство «деловым» и т. п. Что это должно означать? Можно предположить, что у Н. С. Н. П. встречает симпатии принцип профессионального представительства и корпоративного государства.

«Не партийные спекулянты будут вести национальную политику, а национальные водители и бескорыстные слуги нации».

Но как будут выдвигаться эти слуги, каким путем будет производиться отбор? Молчание. Программа признает, что «власть немыслима без живой связи с населением. Эта связь может осуществиться через представительство бытовых, территориальных и социально - экономических организаций». Представительство это называется ответственным в том смысле, что представители будут ответственны перед пославшими их организациями («императивный мандат»). Ну а власть будет ли ответственна перед этим представительством? Этот кардинальный вопрос просто обходится красноречивым молчанием.

Нашу краткую критику политической программы закончим рассмотрением национального вопроса. Н. С. Н. П. считает вредным и опасным принцип федерации и, скрепя сердце, допускает только «начала делового местного (городского и областного) самоуправления». Ясно, что таким путем возвращения к дореволюционному централизму не создать дружной семьи народов российских.

И хотя новопоколенцы в скомпрометированное слово «национализм», по их заявлению, не вкладывают шовинистического смысла, видимо, натура берет свое, и в их лице перед нами новое издание русских националистов в старо-режимном стиле.

О ВОЗВРАЩЕНСТВЕ.

С некоторых пор зашевелились в эмиграции возвращенцы. Опять в газетных киосках появился журнал «Наш Союз», на рю Бюси, повидимому, наступило известное оживление. Но каково политическое значение этого «движения»? Просмотрев несколько номеров журнала, сразу приходишь к определенному выводу. Никакой политической новизны возвращенцы собой не представляют. Это просто филиал советского консульства по переотправке уставших от эмигрантской жизни беженцев. Любопытно провести параллель между теперешним «возвращенством» и тем движением, которое развивалось 10 лет тому назад.

Тогда были беспомощные попытки найти компромисс между своими идеалами, которые окончательно не сдавались в архив, и советской действительностью. Выработанные тогда в некоторых кругах формулы, конечно, оказались разбитыми жизнью. Но нельзя отрицать в них стремлений — пусть беспочвенных — продолжать политическую борьбу за свои идеалы: возвращенцы старого типа предавались бессмысленным мечтаниям, что советский строй может

служить основой для дальнейшей мирной борьбы за полное осуществление демократии» (см. анализ программы возвращенцев в брошюре П. Н. Милюкова «Эмиграция на перепутьи»)

Теперешние возвращенцы - - не «оппозиция Его Величества» по отношению к советской власти, они занимают позицию более сталинскую, чем сам Сталин.

Всякая идейная полемика с парижскими подголосками большевиков бесцельна. Ибо это в большинстве люди, не честно ищущие политической истины, а, в виду тяжелого эмигрантского житья поставившие перед собой практическую задачу вернуться на родину в надежде там лучше «устроиться». Среди нынешних возвращенцев, политически оформляющих «движение», немало перебежчиков из разных политических лагерей, сжегших тех богов, которым еще вчера фанатически поклонялись, и ныне — в изменившейся обстановке западно - европейской (нерусской!) жизни — поющих дифирамбы великому Сталину и проделывающих весь унизительный стаж покаянного сервилизма.

Если незачем останавливаться на политической «доктрине» возвращенства за ее полным отсутствием, то следует подробнее обосновать наше отношение к проблеме обывательской репатриации. Многие думают в современной России найти «тихую пристань» после тяжких блужданий. Молодые люди, приобревшие здесь технические знания, не находящие себе применения в условиях западно-европейского кризиса, уверены, что им найдется место в происходящей в России грандиозной стройке. Зачем прозябать здесь на скудное выдаваемое безработным пособие, в качестве гонимого иностранца, не лучше ли вложиться в дело строительства России? Ведь большевики уйдут, а Днепрогэс и Магнитогорск останутся. Так, примерно, должна рассуждать эта категория возможных возвращенцев.

Что политик - демократ должен противопоставить этой аргументации?

Оставляя в стороне чисто фактичесукю сторону (хотя позволительно высказать очень серьезные оговорки в смысле возможности устройства себе новыми пришельцами в СССР легкой и спокойной жизни), мы должны ответить так: хотят того, или нет «обыватели»-возвращенцы, но их переход будет, несомненно, истолкован большевиками, как поступок политический, будет принят большевиками, как политическая капитуляция разочаровавшихся вчерашних анти - большевиков. Кроме того, предстоит пройти мучительный этап «чистилища» прежде чем попасть в советский «рай».

Не всякий может выдержать царящую там тягостную моральную атмосферу.

Но главное не в этом. Для нас, демократов, нет сакраментального, резкого деления русских людей на обывателей и политиков в смысле допущения двух моралей, двух различных мерок.

В наших глазах каждый должен быть **гражданином.** Это не значит, что каждый гражданин должен заниматься политикой, активно участвуя в жизни политических организаций. Есть градации и степени гражданственности. Но какой то политико - этический минимум общеобязателен.

Наша задача заключается в пробуждении в каждом уставшем русском эмигранте этого чувства ответственности перед родиной, в поддержании в нем воли в противостоянии большевистскому деспотизму.

Всякая борьба требует жертвенности. Сейчас самый факт идейного изгнанничества есть акт политической борьбы. Эмиграция — не есть бессмысленное прозябание, бесцельное умирание. Нет — даже пассивное эмигрантское состояние является доступным нам служением Родине.. Каждый подлинный эмигрант должен с достоинством нести возложенное на него судьбою звание **политического** изгнанника, борца за свободное будущее своего отечества.

Александр Александров.

не есть один из конкурирующих элементов, а единый и единственный отбор активных элементов нации, объединенных общими идеалами и общим служением стране."

И далее: „партия создается на место прежнего С.М. потому, что младороссы сознают свой долг быть до замены наилучшей правящей коммун. партии — новой. Отсюда следует о второй сов. партии... основная задача новой партии — захват власти" для возглавления дальнейшей истор. эволюции русской жизни.

Вопрос поставлен ясно и без обиняков: коммун. диктатуру нужно заменить диктатурой младоросского отбора.

К.Б. мечтает о создании тоталитарного младоросского государства, объединившего итальянский и гитлер. ~~[illegible]~~ образцами [illegible].

Отсюда, уже сейчас в обстановке свободной эмиграции, младороссы претензии представлять всю эмиграцию (за вычетом, по-видимому, староэмигрантов, кот. ассенизационная функция жизни, к удовольствию младороссов, должно будет на кладбище — ...).

Вот проскальзывает уже просто опасные, требующие клинического лечения, симптомы mania grandiosa: „младороссы несут ответственность за всех русских! Младоросская политика приносит всем русским во Франции больше пользы, чем ходатайства заграничных организаций, так скоро, представителей эмиграции." Перед младороссами стоит „задача широкого охвата и значительного ... все более широких отношений русской жизни."

Не слишком ли поторопились К.Б., поставивший перед собой задачу „возглавить..." представлять возможно более полный спектр отношений русской жизни." Никто ему не давал таких широких полномочий, никакого мандата не получал

UNION
RÉPUBLICAINE-DÉMOCRATIQUE
RUSSE

РУССКОЕ
Республ.-Демократическое Объединеніе

5, Rue du Pré aux Clercs, 5
PARIS (7e)

Paris, le 192

№

от русской эмиграции, тем более от русской судьбы во всей ее полноте."

"Пусть глава" "охватывает" ~~Охватывает~~ тех кто по полит. неопытности "младоросскими объятиями" (при чем тут) хочет быть [illegible] оттуда, но ~~[illegible]~~ все другие полит. течения, кот. не исключают ни малейшего желания раствориться в "мутном" младор. океане."

Младоросы — это монархическая легитимная партия, кот. не вмещает в себя даже всех сочувствующих только монархическим [illegible] (вспомним резкий разрыв с ~~[illegible]~~ младороссами А. А. Башмакова, верного государя Императора, монархистов из И.С.И.П. и Р.О.В.С. и т.д. — ~~[illegible]~~). Если младоросы не сумели объединить эмигр. монархистов, сравнит. узкую среду, то такое развязанное выражение может рисовать фантаст. ~~[illegible]~~ перспективы передними полит. — это газетная alliance разных направлений под скипетром неогр. монархии. С такой полит. "серьезностью" бесцельно спорить и ~~[illegible]~~ спокойная аргументация ~~не~~ разумные доводы, ~~а просто [illegible] [illegible]~~ ~~[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]~~ —

Пока что "Млад. Импери" с восторгом сообщает об "охвате" Е.И.В. В.Кн. Дмитрия Павл. (самого "охваченного" в иерархии строго иерарх. дисциплин. организации, тем не менее позволит себе предоставить нам сюда м.н. в своем журнальном [illegible] пишет: "Я и младороссы": неясно, полного alliance на журн. поприще еще не произошло), Е.И.В. Кн. Дмитр. Алекс. Вот подлинное признание млад. партии — "аппарат" "пожалуй правда разрушить династию, объединить монарх. элементы русск. эмиграции, особенно для уловления политически безграмотной молодежи, применяет при этом ~~[illegible]~~ разными [illegible] маневрами.

Все остальное — c'est de la blague, как гов. французы

Политическiя замѣтки. (отъ Союза младор. к младор. партiи)

„Эволюцiя младороссовъ." (отъ С. М. к М. П.)

Эмиграцiя прошла мимо громаднаго событiя, не обративъ на него никакого вниманiя: въ „Млад. Искрѣ" отъ 2 Янв. „Глава" проклямировалъ перерожденiе Союза младор. въ младоросскую партiю (онъ же выбралъ советскую партiю.)

Провозглашенiе столь важнаго факта потребовало очень длинныхъ разсужденiй главы, газетные прислужники котор., повидимому, не хотѣли отстать по размѣрамъ отъ рѣчей предсѣдателей Верхов. сов. партiи.

Конецъ концовъ, отъ слова не станется. Замѣна одного ярлыка другимъ по существу ничего не измѣняетъ.

Психологическая причина этого невиннаго переименованiя ясна: нужно создать для своихъ приверженцевъ, видимость работы, движенiя впередъ, т. сказать, показать свой „динамизмъ".

И оказывается, что „союзъ млад., какъ организ. форма, сталъ малъ и тѣсенъ. Необходимость развертыванiя организацiи въ партiю стала очевидной."

Однако, самыя вершины партiи стремятся сохранить старое, подъ младор. стягомъ, связанныхъ между собой не столько идейной дружбой, сколько, как пишетъ К. Б., [illegible] службой въ рамкахъ орденской организацiи. Поэтому лидеръ партiи объясняетъ, что рѣчь идетъ объ особой партiи, ничего общаго не имѣющей съ обычными партiями, параллельно существующими въ „разлагающихся демократическихъ государствахъ".

„Современное государство уже не знаетъ многопартiйности и партiя становится орудiемъ ликвидацiи партiй черезъ поглощенiе ихъ послѣдователей", смѣло заявляетъ младоросскiй теоретикъ госуд. права. „Партiя въ современномъ ...

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания

7 июня 1934 года. — Собеседование на тему «Сегодняшний день эмиграции», со вступит. словом **Д. И. Мейснера.**

14 июня — Товарищеская чашка чая членов РДО.

15 июня — Доклад **А А. Александрова** в Бельфоре — «Демократия и диктатура».

16 июня — Доклад **А. А. Александрова** в Сошо — «Эмиграция и Россия».

18 июня — Доклад **А. С. Александрова - Михельсона** «Борьба за демократию внутри компартии (Ленинский период)».

21 июня — Доклад **А. П. Лукина** — «Красный флот».

4 июля — Доклад **А. М. Кулишера** — «Будущее Европы и России в свете исторической механики».

9 июля — Доклад **А. Ю. Рапопорта** — «Судебные репрессии в СССР за последний год».

17 июля — Доклад **Н. Н. Кнорринга** — «Педагогика и политика».

24 июля — Доклад **В. В. Попова** — «Советский суд».

31 июля — Разбор № 4 «Нашего Слова» со вступит. словом **Н. П. Некрасова.**

2 октября — Доклад **А. А. Александрова** — «Обоснование демократии (по поводу книги проф. Лауна)».

12 октября — Собеседование об избирательных системах с вступит. словом **Г. С. Куртилина.**

18 октября — Доклады **П. Н. Милюкова** и **К. М. Шумского** — «Итало - абиссинский конфликт».

1 ноября — Закрытый доклад **А. П. Маркова** — «Современное эконом. положение в СССР».

22 ноября — Доклад **М. Н. Абациева** — «Самоопределение Осетии (в связи с национальным вопросом на Кавказе)».

30 ноября — Доклад **К. К. Парчевского** — «Парагвай и Южная Америка».

6 декабря — Продолжение доклада **А. П. Маркова** — «Современное эконом. положение в СССР».

19 декабря — Доклад **В. Н. Сперанского** — «Культ вождей».

В БЕЛЬФОРЕ.

15 июня в Бельфоре сотоялся доклад секретаря, РДО А. А. Александрова на тему: «Демократия и диктатура». В первой теоретической части доклада были подвергнуты анализу понятия демократии и диктатуры. Вторая часть была посвящена современному политическому положению и служила иллюстрацией теоретическим утверждениям докладчика. Показав на ряде примеров всю порочность и шаткость диктаторских режимов как коммунистического, так и фашистского, А. Александров в результате изучения функционирования демократии в разных странах (в Англии, С. А. С. Ш., Чехословакии, Бельгии) пришел к заключению, что демократия способна разрешать сложнейшие проблемы — политические и хозяйственные — без отказа от высших ценностей уважения человеческой личности и свободы.

После ухода гостей (доклад был открытый) началась дружеская беседа членов РДО, затянувшаяся за полночь.

На следующий день А. Александров сделал публичный доклад на тему: «Эмиграция и Россия» в Сошо (городок около Бельфора), в помещении, любезно предоставленном местной грузинской колонией.

Докладчик сделал обзор главнейших эмигрантских течений и подробно охарактеризовал их отношение к России. Во второй части доклада А. Александров развил идеологию и тактику РДО, внимательно разобрал его социальную программу и специально остановился на вопросе, как РДО мыслит политические задачи, стоящие перед эмиграцией.

Выступавший в прениях представитель Н. С. Н. П. неудачно пытался оспаривать правильность данной докладчиком характеристики его «партии». Курьезно было слышать его заявление о совпадении многих пунктов программы Н. С. и РДО. Связь Н. С. с РОВС'ом отрицалась энергично.

Несравненно более интересным и по форме и по содержанию было выступление председателя местной грузинской колонии г. Баградзе. Не желая вступать «в спор славян между собою», оппонент высказался только по интересующему его национальному вопросу. Подчеркнув громадную важность для будущей России правильного разрешения национальной проблемы, оратор признал, что РДО не относится к этому вопросу с должным вниманием. Видя в РДО носителя старых либеральных идей и доверяя ему, так сказать, по старой памяти, г. Баградзе в остроумной форме подверг критике постановку национального вопроса в программе РДО. По

его мнению, федерация (а будущая Россия мыслится федеративным государством) возможна лишь между равными и свободными. Следовательно, необходимо заранее признать за всеми национальностями право на самостоятельное решение вопроса о присоединении к федерации или отделении. Свою речь г. Баградзе закончил пожеланием, чтобы РДО учло уроки прошлого.

После подробного ответа докладчика на замечания ораторов, собрание, привлекшее довольно многочисленную, по местным масштабам, публику было закрыто.

***

Минувшим летом в Бельфоре состоялся доклад председателя отдела Н. С. Н. П. во Франции — г. Поремского, указавшего три основных пункта, лежащих в основе организации Н. С. Н. П. Вот они:

1) непримиримость, необходимость сохранения себя от духа соглашательства и воспитание в себе ненависти и даже «святой ненависти». «Так создаются бойцы» восклицал оратор;

2) культивирование идеи борьбы и

3) революционность и организованность борьбы.

В прениях по докладу секретарем Бельфорского РДО А. А Дмитриевым было указано, что нельзя строить программу на отрицательных началах (к каковым относится ненависть), а надо ее созидать на чем то положительном. На заданный докладчику прямой вопрос, с кем пойдут новопоколенцы в случае войны СССР с Японией, г. Поремский дал весьма путанный и туманный ответ.

Вообще, несмотря на желание новопоколенцев сказать какое то новое слово, повторяют они старые и притом весьма устаревшие речи, пользуются громкими, но по существу пустыми и бессодержательными фразами.

Бельфорец.

СРЕДИ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ - ДЕМОКРАТОВ

(Письмо из Праги)

I.

В прошлом номере «Нашего Слова» мы рассказали о возникновении в Праге Демократического Клуба, в собраниях которого членами Клуба, или приглашенными гостями, регулярно читаются доклады на общественно - политические темы.

Обычно эти доклады вызывают живой обмен мнений, в котором принимают участие все члены Клуба. В этом году «осенний сезон» открылся сообщением **В. М. Москвина,** говорившего на тему: «Мои скитания по Европе».

Основной темой доклада явилось изложение бывшим молодым коммунистом, автором известных по «Последним Новостям» очерков «Хождение по Вузам», своих впечатлений и наблюдений над эмиграцией во Франции и, особенно, в Германии, откуда докладчик и появился в Праге.

Второй клубный вечер был посвящен докладу **Д. И. Мейснера** о политических группировках эмиграции и об общественных настроениях и бытовых условиях жизни русской колонии в Париже, где докладчик пробыл два летних месяца.

Два клубных собрания были заняты докладами (и прениями по ним) проф. **С. Н. Прокоповича** и **Е. Д. Кусковой** на тему о новейших сдвигах в политической, бытовой и социально - экономической областях в СССР. Общий вывод докладчиков: — эволюция происходит; отрицать ее не решаются даже сотрудники «Возрождения», однако процесс этот крайне медленнен и часто прерывается зигзагами в обратном направлении. Особенно задержанным темпом происходит изживание коммунистических утопий в области хозяйственно - экономической. Можно все же думать, что, если Ленинский нэп шел более стремительным шагом, то зато Сталинское отступление является более органическим и, следовательно, устойчивым. Революция умерла, говорит Е. Д. Кускова; происходит изживание ее пережитков. Так следует определить сегодняшний советский день.

На очереди в Пражском Демократическом Клубе следукщие выступления: **М. Ф. Ковалев** на тему: «Эра войн и революций», **А. Л. Бэм** — «Единый фронт в культурной области» и **П. І. Звездич** — «Второй Интернационал и Коминтерн».

II.

В городе Брно местной республиканско - демократической группой партии Народной Свободы, совместно с местным отделением Обще-Казачьего Сельско - Хозяйственного Союза был устроен публичный доклад **Д. И. Мейснера** на тему: «Советская Россия и эмиграция». В своем сообщении докладчик изложил главнейшие мероприятия и распоряжения советской власти за 1935 год в области сельского хозяйства, промышленности, в области школьной политики, управления и организации красной армии и т. д. Во второй части доклада оратор, говоря об эмиграции, остановился по-преимуществу на проблеме «оборончества» и «пораженчества».

Пражанин.

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

№ 1-2

А. А. Александров — «Наши задачи», **И. П. Демидов** — «На страже» (к 75-тилетию П. Н. Милюкова) **П. Н. Милюков** — Международное положение, Россия и эмиграция, **П. П. Гронский** — «После 17-го с'езда», **В. В. Попов** — «Положение рабочего класса в СССР», **М. С. Багдасарьян** — «Эмиссионные банки и их роль в народном хозяйстве». Хроника. Социальная программа РДО. Приложение: «Против пораженчества» (переписка П. Н. Милюкова с Е. В. Саблиным и ген. А. И. Деникиным).

№ 3

П. Н. Милюков — «1935-ый год», **А. М. Кулишер** — «Кризис демократии», **А. А. Александров** — «Современные социальные искания», **Д. И Мейснер** — «К 10-летию РДО», **В. В. Попов** — В СССР», **А. А. А.** — «Единый фронт», **Е. Новохатный** — «Дальневосточный вопрос», **Д. И. Мейснер** — «В погоне за успехом», **Н. С. Трусов** — «Национальный Союз Нового Поколения». Хроника.

№ 4.

П. Н. Милюков — «К 85-летию президента Т. Г. Масарика», **Д. И. Мейснер** — «Пражский мудрец, **П. Н. Милюков** — «Франко - советский договор», **А. Н. Лазаренко** — «К вопросу о «кризисе демократии», **К. И. Арнстов** — «Организация демократии», **А. П. Марков** — «Уход от пролетариата», **Е. И. Унбегаун** — «На литературном фронте», **Д. И. Мейснер** — «Смена», **А. А. Александров** — «Младоросский блеф», **И. П. Демидов** — «Живая душа» (памяти А. С. Милюковой), Хроника.

ПРОДАЖА «НАШЕГО СЛОВА»

в Париже: в Библиотеке РДО, редакции «Последних Новостей» и у ген. представителя изданий РДО — в кн. магазине «Дом Книги» **9, rue de l'Eperon - Paris (6)**

в Варшаве: у А. П. Вельмина, **Warszawa Marszalkowska 68 m. 4.**

в Праге: у Д. И. Мейснера, **Praha. Dejvice, Podbabska tr. o. p. 1598 «Vlastni Dilo» byt. 27.**

в Харбине: в кн. магазине «Русь» М. Зайцева, Конная ул. 34.

в Нью-Иорке: у Н. Николаева — 1067 — **Park Av.**

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА» :

№ 1-2

А. А. Александров — «Наши задачи», **И. П. Демидов** — «На страже» (к 75-тилетию П. Н. Милюкова) **П. Н. Милюков** — Международное положение, Россия и эмиграция, **П. П. Гронский** — «После 17-го с'езда», **В. В. Попов** — «Положение рабочего класса в СССР», **М. С. Багдасарьян** — «Эмиссионные банки и их роль в народном хозяйстве». Хроника. Социальная программа РДО. Приложение: «Против пораженчества» (переписка П. Н. Милюкова с Е. В. Саблиным и ген. А. И. Деникиным).

№ 3

П. Н. Милюков — «1935-ый год», **А. М. Кулишер** — «Кризис демократии», **А. А. Александров** — «Современные социальные искания», **Д. И Мейснер** — «К 10-летию РДО», **В. В. Попов** — В СССР», **А. А. А.** — «Единый фронт», **Е. Новохатный** — «Дальневосточный вопрос», **Д. И. Мейснер** — «В погоне за успехом», **Н. С. Трусов** — «Национальный Союз Нового Поколения». Хроника.

№ 4.

П. Н. Милюков — «К 85-летию президента Т. Г. Масарика», **Д. И. Мейснер** — «Пражский мудрец, **П. Н. Милюков** — «Франко - советский договор», **А. Н. Лазаренко** — «К вопросу о «кризисе демократии», **К. И. Аристов** — «Организация демократии», **А. П. Марков** — «Уход от пролетариата», **Е. И. Унбегаун** — «На литературном фронте», **Д. И. Мейснер** — «Смена», **А. А. Александров** — «Младоросский блеф», **И. П. Демидов** — «Живая душа» (памяти А. С. Милюковой), Хроника.

ПРОДАЖА «НАШЕГО СЛОВА»

в Париже: в Библиотеке РДО, редакции «Последних Новостей» и у ген. представителя изданий РДО — в кн. магазине «Дом Книги» **9, rue de l'Eperon - Paris 6**)

в Варшаве: у А. П. Вельмина, **Warszawa, Marszalkowska 68 m. 4.**

в Праге: у Д. И. Мейснера, **Praha. Dejvice, Podbabska tr. c. p. 1598 «Vlastni Dilo» byt. 27.**

в Харбине: в кн. магазине «Русь» М. Зайцева, Конная ул. 34.

в Нью-Иорке: у Н. Николаева — **1067 — Park Av.**
